



Седьмой круг  
Свой путь

Дмитрий Ворончихин

18+

## Annotation

Подозреваемый в практике Черного Слова, юный маг Леонард изгнан из Школы Рассветной Росы – одной из трех колдовских академий Ваундвилла. И больше не в праве он творить сложных чар, а если ослушается, ждёт его лишь вечное заточение в Доме Скорби – особенной, страшной темнице для мятежных и чокнутых магов. Предоставленный сам себе, он отправляется в собственный путь, но... кажется, кто-то таинственный и влиятельный слишком сильно заинтересован в том, чтоб парнишка попал за решетку любой ценой... Вас ждёт абсолютно оригинальная вселенная со своей флорой, фауной и даже физикой. Никаких приевшихся драконов и эльфов, никакой сомнительной, неправдоподобной магии, никакой сказочной удачи и прочего ребячества. Исключительно продуманное и взвешенное построение мира с самых его основ.

---

---

**Дмитрий Ворончихин**  
**Седьмой круг. Свой путь**

# Глава 1. Изгнание

*Сердце магии. Величественное небесное светило, дарующее жизнь и энергию всему сущему. Его белоснежные лучи проливают свет на мир днем, а ночью оно остается еле заметным бликом на темном небесном своде. Каждый волшебник мечтает разгадать секрет его рождения и впитать в себя как можно больше его мощи. Но Сердце Магии светит для всех одинаково и ещё никогда не являло своих тайн и не отдавало предпочтений ни одному из ныне живущих. Наверное...*

Полет пронзил эйфорией. Леонард парил высоко над обветшалыми крышами, подвигаясь ближе к небу, еле заметному за ползущими сумрачными облаками. Неказистые лачуги и знатные дома обратились теперь едва различимыми точками далеко внизу, точно зёрна, рассыпанные по земле какой-то древней циклопической сущностью. А непроглядные, густые тучи покорно расступались, рассекаемые крыльями Лео, и орошая его лицо бодрящей, прохладной влагой.

Маг нырял из одного облака в другое, игрался и упивался новыми захватывающими впечатлениями. Черные, вороньи крылья, о каких он мечтал всю жизнь, наконец-то были с ним. словно одаренный ими с самого рождения, он контролировал и чувствовал их, как чувствовал и иные конечности своего тела.

Темные небеса залились шумной грозой; яркие, громогласные вспышки молний засверкали со всех сторон, но Леонард и не думал страшиться их. Стремительными и резкими маневрами легко предугадывал он появление каждого нового разряда, и наполняясь абсолютным могуществом, словно бы знал, где и когда появится следующее сияющее лезвие непокорной стихии. И ни раскаты грома, ни занявшийся бурный ливень не могли сейчас сбить его с толку.

Эта ночь была поистине сказочной и определенно – лучшей в его жизни. Молодой волшебник устремлялся далеко вверх, возвышаясь над расшитыми ослепительными грозовыми нитями облаками и с упоением любовался там лазурными отблесками Сердца Магии, прятавшегося в это время суток где-то за горизонтом. А затем закрывал глаза, расслаблялся и падал в чёрные, клокочущие тучи, взбудораженные, словно бурное море во время шторма. И был исполнен радостью каждый миг его существования, а от раздольной свободы пьянило и захватывало дух.

Вдруг, когда в очередной раз погрузился Лео в мерцающую грозовую пучину, одна из молний предательски ужалила его за крыло. Пронзила нестерпимая боль и черные перья в одно мгновение окутало жаркое пламя. Теперь он падал по-настоящему, не в силах контролировать свой полет. С надрывом попытался маг расправить второе крыло и хоть как-то спастись, но от того только сильно закружило и глаза совсем потеряли ориентир.

Близилась крыши домов. Лео заметил, что все они горят. Яростным натиском разрывали город бесчисленные разряды молний и разрушали, и поджигали здания одно за другим.

«Ещё бы! Будто бы радость может длиться слишком долго», – подумал Лео, сжимая зубы.

Раздирающим сознание треском костей прервался ход его мыслей. Сорвавшимся камнем рухнул он с невысказанной высоты, но до сих пор ещё оставался живым. Соленой кровью заливало глотку и теперь то было единственным, что мог молодой маг различить.

Но и на этом дело не кончилось.

С грохотом отломилась горящая деревянная балка с крыши одного из домов и пригвоздила плечо Лео к земле, назойливо обжигая щеку. Так он и лежал, не в силах пошевелиться и даже закричать, пока унижительный хоровой хохот вдруг не разверзся со всех сторон.

Боль ушла и Леонард открыл глаза.

Он быстро вернулся к реальности, когда очнулся в большущей аудитории, битком набитой злорадствующими однокурсниками. Оторвав голову от дубового, полированного до блеска стола, Лео инстинктивно осмотрелся и чувство стыда захлестнуло его целиком. Там, где ещё недавно лежала его опаленная щека неестественными хороводами кружил волшебный огонек и рисовал на столе обугленные узоры. Рядом навис преподаватель Сенд и с язвительной, ядовитой улыбкой буравил нерадивого студента гневными глазами.

– Подпалить школьное имущество на лекции по контролю огня... какая ирония! – прошипел учитель, нагло развернув голову Лео тыльной стороной ладони. – Умудрился ещё и обжечься. Знаменательный позор!

Щеки Леонарда залились настолько густой краской, что ожег на какое-то время замаскировался. Он не знал, что ответить, да и вовсе не хотел вступать в перепалки с этой отвратительной личностью – преподавателем Сендом, – знаменитым на всю академию своим едким, бесчеловечным нравом. Громко сглотнув и стиснув зубы, Лео поник в ожидании очередных, долгих, занудных и унижительных нравоучений.

– У меня для вас хорошие новости, ученик, – лицо Сенда сделалось холодным и беспристрастным. – Откладывать нечего, на этом ваши превозможания в стенах академии завершатся. Ректор уже принял окончательное решение и намерен лично сообщить его вам. Так что советую прихватить свои вещички и мигом отправляться к нему... Попрошу не задерживаться. Мы все и без того уже заждались. – Змеиным плевком заключил лектор.

Осмыслив не до конца, о чем идёт речь, Леонард невольно схватил свой потрёпанный дубленый ранец и, скрипнув короткими сапогами, поспешил покинуть кабинет. Десятки ехидных и сочувствующих взглядов сопровождали его. Когда могучая дверь за ним затворилась, он ошарашенный поплелся по исхоженному им сотни раз пути на, так называемый, четырнадцатый этаж, а точнее – в самую высокую башню академии, где находился её управитель.

Не слишком спешил, пытаясь прийти в себя, и уже начинал перебирать в голове слова и оправдания, какими в очередной раз надеялся выкрутиться Леонард. В целом, план его защитной речи удавался ладно и переживания, как и прежде, стали быстро утекать прочь.

Когда до места назначения оставалось каких-то три этажа, Лео был уже совершенно спокоен и сконцентрирован на предстоящем дельце, хоть и немного запыхался. Наконец, последняя ступенька винтовой каменной лестницы оказалась позади, и молодой маг очутился на самом верху академии. Там, где располагалась единственная скромная дверь, отделяющая коридоры замка от самой большой его залы – приемной ректора.

В привычной манере Лео стукнул по двери один-другой раз и бесцеремонно ввалился внутрь.

Просторный и ясный, снова встретил его таинственный зал без единого оконца. Но свет, совсем как дневной, словно бы рвался из самого воздуха, и блистал, переливаясь на сотнях колдовских сфер; играл среди полных флаконов и пыльных склянок; и резвился шутливыми бликами на гранях могущественных минералов, расставленных на бесчисленных полках и

стеллажах тут и там. Как в чертогах королевских библиотек, повсюду высились они и заканчивались только у самого потолка, собираясь лабиринтами и коридорами. А где-то за ними прятался величественный трон, на котором восседал старый, как мир, ректор – глава одной из трех колдовских академий Ваундвилла.

И клетки с диковинным, редким зверьем, и горы прочих магических побрякушек, наваленных друг на друга, разбросанных под ногами и подвешенных к стенам, и волшебный свет – феномен, ломающий головы даже самым искусным и признанным магам королевства, – ничто не отвлекало молодого мага на пути к новому разговору со своим старым (как называл его Леонард среди прочих учеников) приятелем – ректором Школы Рассветной Росы.

Он гордо задрал нос и зашагал бодро, преодолевая извилистые преграды и захламленные нагромождения.

Четыре года назад впервые Лео увидел его – причудливого старичка с редкой, водянистой, вечно всклокоченной, небрежной седой бородой. Характерной особенностью этого почтенного во всем королевстве дедушки была поразительная способность или, быть может, болезнь: всегда смотреть сквозь собеседника, точнее, куда-то в незримую даль, ведомую лишь ему одному, совсем не моргая. Так и сейчас, как с неживыми, стеклянными глазами, он вроде бы разглядывал Лео, но сложно было утверждать о том наверняка.

Из легких, точно сухие осенние листья, штанов и рубахи сложен был весь его гардероб и с виду больше походил на пижаму, изрядно замученную временем. Абсолютно недвижимый, казалось, старик совсем не обращал внимания на прибывшего студента.

– Добрый... – попытался проявить учтивость Леонард, но тут же был прерван.

– Не такой и добрый для тебя, Лео, – глубоким и чистым басом громыхнул ректор, едва шевельнув губами. Тягучим, вязким, как мёд, водопадом, голос его лился откуда-то с потолка. – Преподаватель Сенд, должно быть, оповестил тебя уже о предстоящем... процессе?

– Да, он что-то говорил, но... – замешкался Леонард. – Сначала я хотел бы объяснить, что...

– Нет больше нужды выкручиваться, юный маг. Увы, как бы того не хотелось, но теперь и я не в силах оставить тебя в рядах учеников, – Бесстрастный разговор старика был ровным и безмятежным. – Совет учителей единогласно решил о твоём исключении. Ещё вчера.

– Че... чего?.. – отъявленно Леонард опешил. – Но как?.. Я хотел сказать... да что я такого сделал?! Это всего лишь стол, я залатаю его в два счёта! И я не дрался уже с месяц. Заметьте! – Он пыхтел, оправдываясь. – А правила? Не нарушал уже...

– Остановись, в словах твоих больше нет толку, – прервал его ректор. – Ни при чем тут стол. И драки, и всё остальное. Но вердикт уже вынесен.

– А что тогда при чем? – с головы до ног пронзило Лео вспышкой отчаянной ярости. И колдовские сферы по правую руку от него задрезжали, полопавшись. – Я... прошу прощения...

– Как раз такие твои выходки и повлияли на исход всеобщего решения, – не изменяя своей манере повествовал почтенный старик. – Твои таланты и твоя сила неоспоримы. Но, увы, ты совершенно не учишься их обуздывать. – Ректор совершил короткую паузу. – Когда впервые ты пересек порог академии, то подавал большие надежды. Не побоюсь сказать, был сильнейшим среди других первокурсников. Многие и многие дивились твоим природным способностям, но теперь... ты далеко отстал даже от самых невыдающихся своих товарищей.

– От кого например? У нас ведь половина курса не может даже...

– То, что они им приходится тяжелее, ещё не делает их бездарными, если ты об этом, – остановил его ректор. – А самое главное – они учатся. Жадно и кропотливо. Но тебя же... совсем не интересует ничего из того, что предлагает Школа Рассветной Росы. Но и это ещё только полбеды. – Старик помедлил. – Тебя обвиняют в практике Черного Слова, юный волшебник. И у учителей есть все основания полагать, что подозрения эти весьма обоснованы.

Лео поперхнулся и от вопиющей несправедливости захлестнуло его злобой.

– Я по-вашему, что?.. Он совершил неровный вздох. – Какая-то вшивая паскуда?! – В дребезги разлетелись и обвалились на пол треснувшие уже колдовские сферы. – Да кто вообще мог оклеветать меня так?!

– Я был бы признателен, если б ты перестал громить мой кабинет. Это не приносит никакой радости от твоего визита, – спокойно попросил ректор, ни разу так и не моргнув. – Ты совершенно непредсказуем, а твоя энергия... От неё так и пахнет запретным. И вечно спишь на занятиях, и неизвестно чем промышляешь ночами. А учителя, да и студенты, находя всё больше и больше мертвых зверей на территории школы. От них разит Черным Словом. Будто бы тот, кто убивает их, пытается подчинить и сделать так, чтоб снова они восстали. И никого, никого кроме тебя не приходит нам на ум. Как больно бы не было мне это признать, но я вынужден...

– И вы в это верите? – на сей раз собеседника перебил Лео. – Вы верите, что я стал бы спускаться до этой погани? Вы не можете!

– Если тебе станет легче, то я не верю. Но уже ничего не могу поделать. По правилам школы слово ректора может быть отвергнуто лишь в исключительной ситуации – когда совет единогласен в своем решении. Ситуация с твоим изгнанием, увы, была исключительной. Такого не случалось уже долгие годы.

Ректор однозначно замолчал. Желание спорить и брыкаться отступили. Леонард хоть и понял безысходность своего положения, но окончательно принять её ещё не успел. Так и стоял, как будто отчасти благодарный за столь мягкие, но при этом не менее отвратительные слова своего старого “приятеля”.

– Мы говорим уже долго. Прости, но меня ждут дела, – невозмутимо подвел ректор. – Ты волен идти. Следующие рекомендации тебе озвучит преподаватель Сенд. Он уже ждет тебя. Этажом ниже.

Опустошенный и гневный Лео в последний раз покинул зал главы академии. Тысячи роящихся мыслей сплелись в его голове в один непроглядный, неразборчивый ком, распутать или понять который прямо сейчас он был не в силах.

Из неглубокого, легкого потрясения его манерно и уверенно выдернул нелюбимый учитель. И стал глумиться своими излюбленными отравленными речами:

– Молодой чернослов отправляется на вольный хлеб. Какая трогательная история. Не так ли?

– Ещё раз назовешь меня так и станешь кандидатом в мои марионетки, поганый скот, – рыкнул Лео в ответ. – Больше я не собираюсь с тобой фамильярничать.

– Неразумный юнец, – выплюнул учитель, позеленев от напирającego гнева, и зашипел, как змея, облизывая языком кривые губы. – Ты роешь себе ужасную яму.

– Говори, что должен и проваливай. Я не намерен слушать твои тошнотные тирады... учитель.

Преподаватель сделал над собой какое-то невысказанное усилие, но умудрился понять, что привычная ему манера общения с учениками ни к чему хорошему сейчас не приведет и только отнимет у него кучу времени. Шипя, он выдохнул и планомерно приступил к своим обязанностям:

– У тебя есть ровно час, чтоб собрать свои вещички и выйти вон из Школы Рассветной Росы. А если не успеешь, то я лично вышвырну тебя за порог и, того глядишь, выжгу ещё пару отметин на твоей срамной роже, – Сенд затянул свою излюбленную ядовитую улыбочку. – Надеюсь, понять это не сложно?

– Что-то еще? – закатил глаза Лео.

– О, да. Теперь, самое сладкое, – Сенд снова отвратительно облизнул губы и продолжил. – Академия даёт тебе ровно две недели на то, чтоб осесть в ближайшем городе, где есть канцелярии, подконтрольные нашим магам. Там ты будешь должен добровольно принять надзор и каждую неделю отчитываться о своем поведении в обществе. А если не исполнишь это требование, попадешь в один из Домов Скорби, где тебя будут содержать, как особо опасного умалишенного. До тех пор, пока алхимики не выжгут своими флаконами твою связь с Сердцем Магии до последней капли... Нравится?

– Да уж... – помутнел Леонард. – Ты закончил?

– И последнее. Тебе запрещено взывать к стихиям и наводить любую другую магию, способную причинить даже малейшее неудобство человеку... или его имуществу, – преподаватель надменно захрипел от удовольствия. – И так до самого конца твоей жалкой жизни, юный... уже не волшебник.

Леонард сильно взвёлся, но нашел в себе силы промолчать.

– И если хоть кто-нибудь заметит тебя за подобным колдовством, то... – Сенд сделал короткую паузу. – Дом Скорби, мой бывший ученик. На этом всё.

Он легко одернул свой коричневый фрак и, плавно развернувшись, немедленно зашагал прочь.

Дрожащим столбом стоял Леонард, справляясь с дремучим отчаянием и накапывающими стальной тяжестью на глаза слезами. Такое было непросто принять. Точнее – совсем невозможно.

Сбегали по щекам и непременно срывались слезы, когда Лео вне себя от горя интуитивно пробирался к жилым помещениям для юношей. То ровные и длинные, то витиеватые и запутанные, проносились перед глазами бесчисленные коридоры с распахнутыми дверьми.

Юные и чистые, словно ласковый свет зари, целительницы в строгих, ровны платьях, укрывающих цветущие их формы, пахли свежей росой и невинной сладостью. Перешептывались и задорно хихикали они, ожидая занятий, и совсем не обращали внимания на понурого изгнанника, обреченно плетущегося мимо. Будущие королевские солдаты, запыхавшиеся, в пропотевших насквозь одеждах, развалились вдоль стен, тяжело дыша, приходя в себя после изнурительных тренировок по воспитанию воли. Духовитые, ежедневно терзаемые заклятиями, они, как и весь прочий состав академии, не поднимали взглядов в сторону перебирающего трясущимися ногами Лео.

Он шел и мысленно прощался с нелюбимой школой и прощания эти были далеко не сентиментальными.

За одной из закрытых дверей из темного дерева ликовал громоподобным маршем ритмичный, гулкий стук множества каблуков. То старшие студенты оттачивали свои



синхронные пляски, в каких учились сливаться воедино и вместе напускать могущественные чары, способные за мгновение обратить в прах небольшую крепость.

Леонард остановился, вслушиваясь в приятный для ушей, воодушевляющий своим темпом рокот их танца.

– Прибыли. Вот и всё! Теперь и не мечтай о подобной магии, идиот! – вероломно ругнул он самого себя и вновь уныло стал перебирать ногами.

Спустя, наверное, четверть часа ему удалось добраться до общих спален своего курса. Благо, что сейчас – в учебное время – они пустовали. Тесные комнатухи, плотно заставленные кроватями и маленькими шкафчиками подле них. В той, где раньше жил Леонард, как и в остальных, было ровно десять спальных мест.

Он быстро пробрался к своему и принялся торопливо перекладывать немногочисленные пожитки из прикроватной тумбочки в сумку.

Пара мятых темных рубашек, до дыр заношенные штаны и грязная туника составили всю его поклажу. В довесок, в кармане побрякивали три серебряных монеты, о ценности которых вне стен академии Леонард не имел ни малейшего представления.

Когда со сборами было покончено, изгнанник сел на кровать и безнадежно устался в пол. Так он провел ещё какое-то время, стараясь собраться с мыслями, но этого пока совсем не удавалось.

Затягивать было не с чем, прощаться ни с кем не хотелось. Лео решил не дожидаться, когда отмеренный ему час кончится. Резко вскочив с кровати, он дерганным движением вскинул свой ранец на плечо и направился к выходу.

У самой двери стояло зеркало, высотой чуть ниже человека. Недолго Лео остановился у него.

Покрасневшее от злости и горя лицо с острыми чертами смотрело на него яркими, изумрудными глазами. Едва светлые, давно не стриженные, растрепанные волосы падали на брови. Высокий и худой, в иссиня-черной свободной тунике с капюшоном, он внимательно разглядел себя напоследок и, выплевывая слова, объявил отражению:

– Вот и всё, идиот. Никакой тебе больше магии!

Звонко треснуло и осыпалось зеркало, когда Леонард хлопнул за собой дверью.

Массивные, высотой с трехэтажный дом, величественные двери академии отворились вальяжно, когда Леонард приблизился к ним. Он не хотел или не решался оборачиваться, только безмолвно покинул этот древний замок, оставив его навсегда.

Нежный, как шелк, струился спокойствием ласковый ветер. Сердце Магии располагалось в зените в этот полуденный час и неизменно светило во все стороны света, изливая на мир свою вечную благодать. Его лучи миллионы лет давали жизнь всей вселенной, пробуждая цветы по утрам, наделяя животных и людей даром рождения, или же испепеляли гниющие трупы таковых, превращая их в необходимую для земли пищу. Много загадок, недомолвок и самых разных вопросов вертелось вокруг этого небесного светила, как и весь остальной мир, вертевшийся вокруг него. Но никто по сей день не мог дать ни точного ответа, ни хотя бы приличного предположения о причине его существования и, уж тем более, о тайне его зарождения.

Леонарду вдруг полегчало. Мысли о долгожданной свободе остудили беспокойную голову. Ему всего лишь двадцать один год, и он уже выбрался из проклятой академии, где остальным её ученикам предстояло почти безвылазно проторчать не меньше, чем до тридцати трех. Он же отныне был волен податься на все четыре стороны, вот только... чем

заниматься, когда запрещено тебе пользоваться всем, в чём ты хоть сколько-то сведаешь? Об этом он еще подумает, но не сейчас. Сейчас стоило подобраться поближе к людям и разузнать о том, как устроена жизнь вне стен колдовского замка.

Как было заведено, в Школу Рассветной Росы принимали лет с четырнадцати. Потому ученики её худо-бедно помнили ещё о внешнем мире. Леонард же оказался там с самого рождения, в приюте для сирот при ней. Сирот, чьи родители имели особенную связь с Сердцем Магии, то есть, назывались волшебниками среди прочих смертных. И всю свою жизнь Лео мечтал о том дне, когда наконец-то выберется из-за осточертевших ему зачарованных стен и станет жить, как хотелось ему самому. И выкинет наконец из головы всё, о чем настойчиво диктовали учителя, учебники и прочие рабы королевских укладов.

И кажется, только что день тот настал. И в озябшей душе Лео оттаяли былые надежды.

И свой путь поманил его загадочно.

Башня деревенской ратуши, словно полупрозрачный мираж, замаячила над горизонтом уже через пару часов неспешной прогулки по единственной дороге.

До города оставалось всего ничего и Лео прибавил темп.

Бедное, сплошь собранное из неуклюжих деревянных домишек селение встретило мага угрюмым, сутулым трактиром. “Кобылье вымя” – значилось на выцветшей вывеске заведения. Хоть и недавно занялся день, вокруг него беспутно и бесшабашно толпилась целая свора податых крестьян. Все, как один, – довольные, с припухлыми красными рожками и сплетающимися языками. Кутеж и пение разливались по узким окрестным улочкам и весь практически скудный состав стражи присутствовал здесь же, осушая бочки местного дрянного пойла пуще прочих постояльцев. Двое из хранителей порядка в ближайшей же подворотне топтались и прыгали на каком-то бедолаге, осмелившимся дерзнуть им по пьяни. Прочая публика совершенно не придавала тому значения. Три распутных, плотных девицы без тени стыда сверкали огромными, как две раскуроченных бадьи, титьками, позволяя каждому желающему дураку хлебнуть гадко пахнущего пива прямо с них.

От картины этой Лео оторопел и застрял на месте, точно вкопанный. Больше он ничего не смог предпринять, кроме как вытаращить глаза и ритмично моргать, пораженный сомнительной гульбой. Ужасно всё это или же абсолютно прекрасно, молодой изгнанник смекнуть не успел. Как не успел и решить, как подобает себя вести, когда одна из толстых теток приволочилась к нему и до невозможного вульгарно принялась красоваться и трясти своими пышными, словно праздничные пироги, оголенными дарами природы.

– Какой молоденький, хорошенький! – отпрыгнула потаскуха наполовину беззубым ртом. – А ну иди к мамочке!

Формы её Леонарду пришлись не по вкусу. Он проворно сиганул в сторону, стараясь не соприкасаться ни с кем и побыстрее обойти шумное сборище. Но не тут-то было. Один из парочки забудыг схватил его за капюшон, когда чуть не повалился на землю. Противный, едва живой приятель его выплескивал из себя излишки хмельного рядом, наполняя смрадный запах округи новыми нотками вони.

– Эй, пацан! Выпей с нами, чё ты? – с трудом выговорил ухватившийся за Лео смерд. – Ну у тебя и одёжка. Волшебник какой-то что ли?

– Да... Да, я из академии, – скромно подтвердил Лео, стараясь быть услышанным среди гомона. – Знаешь, я лучше пойду...

– Ни хрена себе, кто к нам пожаловал! А чё такой молодой то? – пьянчуга цепко схватил

Леонарда за локоть и назойливо потащил напрямик в заведение, не оставляя ему никаких шансов пройти мимо. – Ща-ща, я тебя обрадую! Пойдем-ка, пойдем-ка!

– Налей-ка пацану сразу две кружки! – смерд громко хлопнул ладонью по прилавку, крича на трактирщика. – Ща он нам сколдует, говорит!

– Ск-ск... сколь-дует?! – проикал, с виду похожий на плохо одетую свинью трактирщик. – Колдун говоришь?

Пока крестьянин опустил голову на прилавок, чтоб отдышаться, а трактирщик расторопно наполнял кружку для Лео, молодой маг рискнул осмотреться. Обстановку при всем желании не удалось бы назвать уютной. Добрая половина лавок и стульев были изломаны. Горбатые, серые, выцветшие столы хаотично распластались по всей тесной питейной. Зато здесь совсем почти не было народу, если не считать пары стражников, резавшихся в карты с местным ворьем за самым большим из столов. Рядом с ними, шатаясь и тряся головой, стоял низенький, весь изгорбленный бард. Музыкант безобразно елозил смычком по своему нестройному кроту и орал раз за разом одни и те же строчки, сочинением которых сейчас явно гордился.

*Как же приезжего лорда звать?*

*Нам вовсе наплева-а-а-ать!*

*Доколе готов незнакомец платить,*

*Мы будем-будем пить!*

В дальнем углу притона тяжело карабкалась вверх кривая, косая лестница. Грязно с неё несло разгоряченной плотью и громкие вопли как будто сразу нескольких девиц, спускаясь, смущали и будоражили ум. Порой им удавалось перекричать и бездарного барда, переманив внимание всей компашки картежников и трактирщика.

– Ишь, как поют, заразы! Вот их герцог-то там шпарит! – хохотнул трактирщик, небрежно выставляя большущие кружки эля перед Лео и расплескивая их содержимое по прилавку. – Добрый человек он, этот, граф... или как его там?..

Лео состроил вопросительную гримасу, принимая участие в беседе.

– В общем, заявился к нам тут под самое утро то ли граф, а то ли лорд. Понимаешь? – трактирщик придвинул свиное рыло поближе к Леонарду от чего тот сильнее почувствовал отвратный запах дерьма и перегара, летящий ему в лицо вместе со словами. – И платит за всех, представляешь?! Веселый мужик! Дал денег вперед столько-о-о! Я еще неделю своих поить могу. Но не буду! Не-а!

– Повезло мне сегодня... кажется, – скромно выдавил Лео и осторожно хлебнул из кружки.

– А ты сам-то кто? Откудова? – хозяин придержался за стойку, чтоб не шататься. – Этот-то говорит, маг ты!

– Колдовать он щас будет. Сам сказал! – подтвердил смерд, прокатившись головой по стойке.

– Ты, колдовать-то не надо, попугаешь ещё всех! – несуразно замотал головой трактирщик. – Не надо. П-жалуйста. Не на-до!

– Маг. Вроде как. Был, – выдохнул Лео и отхлебнул побольше, изрядно поморщившись. – Меня сегодня изгнали из академии.

– Вон онокак! – округлил пороссячи глазки трактирщик. – Ну, ты это, не грусти. Пей

давай побольше тогда!

Лео покорно последовал совету, распробовав гадкий хмель впервые в жизни. Он быстро разобрался с первой порцией, и голову его приятно закружило. Заботы и переживания вытряхнуло в одно мгновение. С тем пришло и желание болтать чуть живее.

– Забавно тут у вас, однако. Во внешнем мире, – выпалил Лео, прикрывая назойливую отрыжку ладонью. – Это везде так?

– Да нет. Среди знатных такой грязи ты не увидишь, – пожал плечами трактирщик, тыкая пальцем в потолок. – Хотя... и у тех своё веселье. Попробуй разбери! Вон, граф то наш совсем не против с деревенскими девицами покувыркаться. Всякие бывают.

– Понимаю, – неоднозначно ответил Лео и, оживившись, спросил. – Скажи-ка, а нет ли тут поблизости где канцелярий?

– Чего-чего?

– Ну-у, не знаю, – призадумался изгнанник. – Там маги сидят. Из академии. Следят и, должно быть, записывают чего-то.

– А, вон ты про что. Это тебе в Мордгард. Там ближайšie, – трактирщик налил себе и попутно наполнил опустевшую кружку Лео. – Дней пять на лошади, не больше.

– А лошадь где взять? И за сколько?

– Самая засраная кобыла серебряников на пять потянет, могу тебе одну предложить! – оживился трактирщик. – Надо, не?

– Нет у меня столько. Спасибо.

– Ну, смотри. Может телегу себе какую наймешь. Куда дешевле довезет! – советовал хозяин, явно заинтересованный беседой с волшебником. – Ну, надо же! Выгнали с академии. Я-то сам мага впервые вижу. Обычно слышал только об вас только всякое. Мол, злые вы, не приветливые, да и вообще никого за людей кроме знатных не держите.

– Да уж. У большинства наших высокомерия хоть отбавляй, – фыркнул Лео. – Был у меня один ублюдок. Как же мне хотелось бы его... Ух-х!

– Ну, может, удастся ещё когда-нибудь, того глядишь, – подбодрил трактирщик. – Ещё по одной?

Эль разливался по кружкам, а вместе с ним и разговоры. После второй трактирщик любезно предложил Леонарду отведать густой похлебки с ломтем хлеба. Изгнанник с благодарностью принял угощение и быстро расправился с ним.

Голова поплыла, язык совсем развязался. Много разных историй из академии поведал Лео трактирщику. Навострив уши, тот слушал, с упоением и с жадностью, и порой даже забывал выпивать от бурного интереса. Пьяный смерд, притащивший сюда Лео, мирно похрапывал на полу под прилавком, нисколько не мешая их беседе.

Небесное Сердце к тому времени стало спускаться, сея по небу тусклыми бликами. Их мерклый свет нисколько не помогал справиться с темнотой. А вот другой небесный феномен – несметное множество тонких, молочного цвета линий, испещряющих черное небо причудливым орнаментом, – напротив, украшал ночь таинственным, серебристым сиянием.

В темное время суток их холодного света хватало, чтоб мир не утонул в кромешном, непроглядном мраке. Старые волшебники звали их Лабиринтами Магии и ведали о том, что древние это, недостижимые пути, по которым Небесное Сердце дарует свою благодать мирам иным. Так оно или нет, никто наверняка не знал. Все эти брехливые рассказы принимались образованным или сведущим в магии обществом лишь за неимением лучшего объяснения.

Когда на улице значительно стемнело, Лео был мертвецки пьян. Уже после третьей

кружки потерял он счет выпитому и еле держался теперь на ногах, под стать прочим завсегдаеям. Изгнанник успел даже завести себе парочку новых знакомых, которых затравил шутками, популярными среди своих. Совсем невдомек было смердам, о чем идет речь, но они гоготали от всей души, дабы не расстроить молодого волшебника своей глупостью и невежеством. Никто из них не желал ссориться с магом, потому как все они страшно его боялись. А Леонард, довольный и разнузданный, и ни мгновенья об этом не подозревал.

Мрак ночи стал достаточно густым и двое неизвестных, что пристально следили сегодня за проезжим купцом наострились.

Беззаботно гулял по безлюдным улочкам деревушки престарелый странствующий торговец, высоко задрав голову к сияющему молочными линиями небу. Старик залюбовался Лабиринтами Магии и слишком уж сильно поддался своей беспечности. Но злая судьба быстро вернула его в мир, когда после меткого удара под дых и проворной подсечки, он стукнулся оземь в безуспешных попытках глотнуть хоть каплю воздуха.

Двое сноровисто шарили по его карманам в поисках наживы. Худой кошелек с десятком серебряников показался им подозрительно маленьким для дедули в столь пышной и пестрой одежде. Тогда один из них, тот, что поменьше, принялся угрожающе причитать и расспрашивать:

– Скажи-ка, старичок. А не затаил ли ты где в своем платъице ещё деньжат, а? – грабитель легко, но умело ткнул торговца сапогом в живот. – Наверняка затаил!

– Будет тебе. Мы его целиком обчистили, – туповато почесал затылок второй. Тот, которого можно было бы обозвать амбалом.

– Ты репу чеши сколько хочешь, а уж я-то знаю, как эти старые плуты умеют запрятать деньжат, – не унимался преступник поменьше. – Хоть в задницу к ним лезь и там клад найдешь!

– Прекра... Прекратите! – откашливался купец. – Перестаньте, я могу заплатить!

– И ты сделаешь это, собака! – зверствовал первый преступник, сильно придавив каблуком к земле ладонь купца. – И я советую тебе поторопиться!

– Но это все, что я взял! Мы могли бы...

– Ну уж нет, дедуля! – выпалил грабитель поменьше. – Решай этот вопрос здесь и сейчас, а иначе...

– Эй, свинья! Ик! – пронёсся юношеский голос откуда-то из темноты подворотни. – Отойди от дяденьки, иначе я тебе сейчас все рыло обмочу!

Грабители насторожено развернулись и увидели, как под млечным светом ночного неба медленно вырос худошавый паренек в странной одежде с капюшоном. Незнакомец шатался и небрежно поправлял штаны, очевидно, после того, как справил нужду. Вид его не показался разбойникам ни капли угрожающим и они, разом затянув улыбки, тут же выдохнули.

– Ща я его угомоню, – хмыкнул амбал и зашаркал в сторону незнакомца. – Одет, как баба. Куда вообще лезет?

– Нашел время жаловаться. Кажись, и этот не из смердов, – облизнулся грабитель поменьше. – Какая чудная ночь. Птички летят в клетку сами!

В одно мгновенье обрушился молодой, неразумный защитник. Точный, внушительный удар в верх живота мигом заставил его выплевывать на землю лишки резко пахнувшего эля.

Верзила поморщился и отпрыгнул назад.

– Тьфу ты! Мерзость какая. И вонь! – пожаловался он приятелю. – Я к нему больше не

подойду!

– Замараться боишься? – язвил преступник поменьше. – Оставь его, он все равно уже не улизнет. Сначала разберемся со стариком, а потом и этого окучим.

Не успел амбал вернуться к своему сообщнику, как в след ему полетели колкие угрозы:

– Это ты бьешь, как баба, – хватая ртом воздух выкрихтел заступник. – Вы, парни, нарвались на серьезную взбучку!

Преступники были по-настоящему ошарашены, когда увидели, как опираясь на руки, хрупкий на вид незнакомец в темной тунике медленно встал и заковылял в их сторону, точно покойник, следующий приказу Черного Слова. Он скверно и грязно бранился и в словах его таились не только угрозы, но и какое-то странное, гнетущее наваждение, словно преддверие надвигающейся опасности. Будто бы за ними крылась некая страшная, пугающая сила, от которой даже у громалы засосало под ложечкой.

– Это что ещё за чудик такой? – поежился громала. – Мне с концами прибить его что ли?

– Давай-ка лучше я, – остановил того сообщник и в руках его сверкнул изгибающийся кинжал.

Разбойник уже хотел было нанести свой любимый, отточенный годами, мимолетный, короткий удар в живот незнакомца, когда заметил, как его льняные штаны вспыхнули, точно вымоченная в квартере (алхимическое горючее вещество) щепка. Преступник мигом обронил клинок и стал колотить себя ладонями по причиндалам и заднице, в попытках поскорее потушить эти самые сокровенные, по его же мнению, для жизни места. Но огонь и не думал униматься, награждая грабителя колючими ожогами.

Амбал же совсем растерялся, ни капли не понимая происходящего. Из всех немногочисленных решений, посетивших тогда его голову, он принял одно, к слову, достаточно верное. Здоровяк вцепился в шею зловещего незнакомца обеими ручищами, как тисками, и повалил того на землю, намереваясь побыстрее придушить. И у него почти удалось. Заступник панически замахал руками и совершенно случайно, лишь на мгновенье, дотронулся до шеи верзилы в ответ. Железная хватка ослабла, глаза грабителя налились кровью, а шея его захрустела, сдавливаемая оплетающей её неестественно крепкой ледяной петлей.

Он потерял сознание, но был ещё жив, когда, опомнившись, незнакомец подполз к этой корчащейся от удушья громадине и новым прикосновением к чародейному льду растопил его. Защитник нервными, трясущимися руками проверил, бьется ли сердца разбойника, и удостоверившись, что тот не успел откинуть копыт, с облегчением выдохнул, повалившись от усталости рядом.

Первый преступник сущим чудом сумел избавиться от горящих штанов, но возвращаться в драку больше не желал. Он счел своего приятеля мертвым и теперь стремительно удирал, истерически перебегая между домами, лишь изредка поблескивая голой задницей под бледным ночным светом.

С упоением наблюдал за героическим сражением старый торговец всё это время и наслаждался торжеством справедливости. Он был несказанно благодарен неизвестному герою, спасшему его жизнь, и замыслил щедро и достойно вознаградить его, как только тот придет в себя.

Редки слезы радости катились по щекам купца и он, поднявшись на ноги, поспешил к своему спасителю, дабы помочь тому прийти в чувства и убраться скорее подальше от

проклятого места побоища.

## Глава 2. Мордгард

*Магия далеко не так проста и легка в понимании, как это может показаться. Хаотичная и своенравная, капризная и взрывоопасная, словно избалованная придворная леди. Неизведанная, сложная материя, способная вычеркнуть из мира любого, кто осмелится развеять её тайны. Она не любит тех, кто пытается контролировать её, а ещё сильнее тех, у кого получается ей управлять.*

*Многие волшебники проводят годы практик в надежде научиться зажигать хотя бы свечи без помощи привычных для этого людям приспособлений, но... увы, иногда и этого постичь не удается. Посему, современные преуспевающие маги – народ угрюмый, часто высокомерный, а порой и откровенно отвратительный. Они держатся подальше от презираемых ими людей, лишь прикрывая алчные желания заполучить как можно больше могущества, своими сладкими, лживыми трелями о службе во благо общества.*

*Виконт Кант. “Волшебное зеркало”. 406 год.*

Голова кружилась, а тело ломило, когда Леонард с трудом разлепил глаза этим утром. Он нашел себя в мягкой, ухоженной постели, с чистыми простынями и непривычно удобной, пышной периной. Против него сидел незнакомый старичок; высокий и статный, одетый в вечернее мужское платье. Глаза неизвестного дедули искрились заботой, отеческой нежностью и какой-то совершенно неясной для Лео благодарностью.

Молодой маг хотел было рассеять свои смятения о происходящем надлежащими расспросами, но все что сейчас смог – захрипеть, словно зверь, раненный в горло стрелой.

Он учтиво кивнул, принимая из рук старика бронзовый бокал, полный прохладной воды, и в один миг осушил его.

– Здравствуйте, – это было лучшее из того, что пришло Леонарду в голову.

– Здравствуй, юный волшебник, – тепло поприветствовал старик в ответ. – Полагаю, ты совсем ничего не помнишь со вчера?

– Смутно. Помню трактир, много людей, драку... – Лео напряг голову и когда образы прошедшей ночи стали принимать более явственные очертания, беспокойно оживился. – Я что колдовал?!

– Было дело, – старик гордо расправил спину. – И, нужно сказать, тем самым спас мне жизнь!

– Ну, вот и приплыли... теперь придется до конца дней сидеть с дурачками, – принялся кусать ногти Леонард. – Один день и тот еле помню...

– Прошу прощения, но я не до конца понимаю, о чем вы, – сдвинул брови старик. – Вы, юноша, проявили небывалую доблесть вчера, хоть и вели себя слегка вызывающе.

– Меня... меня изгнали, и я больше не имею права на сложное колдовство! – тараторил Лео в попытках усмирить поток грызущих, назойливых мыслей. – Это конец! Теперь отправят в Дом Скорби, если кто-то узнает.

– Я понял вас. Ни одна живая душа не услышит от меня о ваших заклинаниях, даю слово! – положил руку на грудь незнакомый старичок. – Кстати, меня зовут Фредерик. И я довольно известный во многих кругах и, осмелюсь даже заявить, уважаемый странствующий торговец.



– А те двое? Я ведь хорошенько потрепал их! – одержимо вертел головой Лео. – Мне нельзя! Нельзя наносить хоть какой-либо вред простым людям!

– Да кто же в здравом уме сможет назвать эту погань людьми? – возмутился Фредерик. – Грабители, отребье, вандалы, забери их пустота! Они же пытались убить меня!

– Вы не понимаете, да? – умоляюще посмотрел Леонард на собеседника. – Если в волшебном сообществе узнают, что я творил магию стихий, ещё и в первый же день изгнания, меня упекут до конца жизни!..

– Не понимаю я только одного: как именно в волшебном сообществе узнают об этом? – подмигнул торговец. – Вы полагаете, что те двое пойдут жаловаться на вас в Трибунал? Не смешите меня, юноша! Им тут же хорошенько помнут ребра. Где это видано, чтоб ворье, не то, что смерды – ворье – доносило на знатных граждан?! – Фредерик хохотнул. – Очевидно, вы ещё не совсем успели ознакомиться с нравами и порядками, которые царят здесь, в реальном мире, за стенами вашей академии.

– Очевидно, – неоднозначно ответил Леонард и потер виски. – Но я далеко не из знатных. Обычный студент академии. Точнее, бывший студент...

– Поспешу вас обрадовать, но так уж заведено, что любой, кто склонен к колдовству, к смердам и челяди уже никак относиться не может, – добродушно улыбался старик. – Лед и пламя! Вы призвали их в одиночку без сложных обрядов и длительных подготовок. Я встречал многих волшебников и некоторые из них могли потратить на подобные заклинания не один час, но вы...

– Да, да... за это взашей меня и погнали, – поморщился молодой колдун. – В академии я славился тем, что отвратительно контролирую процессы творения заклятий. Зато иногда, магия сама вырывается из меня и наносит ущерб окружающим.

– Занятно, – призадумался купец. – Почему же вас вообще тогда выпустили? Разве маги не сочли эту вашу особенность опасной?

– Я не... я не знаю. У меня не было времени поразмыслить над этим, – насупился Лео. – Вероятно, ректор похлопотал за меня. Он один из немногих волшебников, кто еще не утратил хоть какого-то сочувствия к остальным. – Изгнанник сделался хмурым. – Все равно они намерены следить за мной и здесь – подальше от своей крепости с сокровенными знаниями. Стоит мне потерять контроль и свободы уже не видать. Упекут, куда подальше!

– Да уж... нелегкая полоса жизни ожидает вас, юноша, – задумался Фредерик. – Будет сложно не попасть под суд, учитывая ваши магические особенности. Вам хоть и дали последний шанс, но на деле он выглядит призрачным.

– Точно! Вот именно! – взбунтовался Лео, с каждым мгновением всё сильнее осознавая плачевность своего положения. – И что мне теперь вообще делать?!

– Очевидно, окружать себя только приятными и верными людьми, – не переставал подбадривать Фредерик. – И раз уж вы помогли мне, то я со своей стороны постараюсь сделать все, чтоб вас не поместили в Дом Скорби. По крайней мере, в ближайшее же время...

– Например?

– Для начала, мне стоит узнать больше подробностей о вашем исключении и тех условиях, какие вам надлежит соблюдать взамен на свою свободу. Начнем с этого, а там уж и поглядим...

Постоялый двор, где остановился почтенный торговец Фредерик расположился на единственной площади в самом центре селения и был полной противоположностью

Кобыльему Вымени. Позволить себе остаться здесь хотя бы на одну ночь никакой простолюдин не смог бы при всем желании. Посему, кроме купца и Леонарда, прочими посетителями двора сегодня были двое представителей королевской власти, пришедшие на обед из ратуши неподалеку. Шикарным заведение назвать бы не удалось, но на уют и комфорт его смогли бы пожаловаться разве что самые высокопоставленные обитатели Королевского Дворца.

Сочный, пахучий, жирный завтрак из запечённой с картофелем и пряностями куропатки и нескольких крупных, жаренных на топленом сале яиц, вернул Леонарда к жизни и способности мыслить спокойно и внятно. Может быть, с тем помогла ещё и пара кубков вполне себе сносного ковантийского вина, выдержкой которого, по всей видимости, занимались прямиком во время его транспортировки из этих далеких южных земель. Новые знакомые никуда не торопились, беседовали, неспешно закусывали и размеренно распивали сладковатый на вкус напиток, основой какому послужила смесь квашеных ананасов и черного винограда.

За трапезой Леонард поведал старому торговцу о всех подробностях своего изгнания. Фредерик, все ещё под впечатлением от смелости и самоотверженности юноши, позволял себе раз за разом возмущаться и не соглашаться с этим глупым решением совета академии. Но не смог он в очередной раз не заметить, что если бы в тот злополучный день Лео не был бы изгнан, то вряд ли бы он, Фредерик, теперь мог наслаждаться вкусными кушаньями, выпивкой или любыми другими привилегиями, какими жизнь его одарила.

Когда со знакомством, едой и вином было покончено, общение их утратило всякие формальности. Фредерик тем временем предположил полезное для дальнейшей судьбы Леонарда решение и поспешил поделиться им со своим спасителем:

– Задача твоя хоть и показалась нелёгкой на первый взгляд, но теперь видится мне вполне себе сносной, – проговорил торговец, обтирая рот платком. – Моргард, город о котором тебе уже рассказывал трактирщик, действительно находится совсем рядом. Более того, там у меня живет старый и добрый друг, к которому я бы мог попытаться устроить тебя подмастерьем.

– Подмастерьем? – округлил глаза Лео. – И чем же он промышляет?

– Он кузнец и, надо сказать, выдающийся мастер своего дела!

– Кузнец? Разве похоже, что я хоть сколько-то гожусь в кузнецы? – скептически посмотрел на нового знакомого волшебник. – Конечно, я нос воротить не буду, но дело сомнительное...

– Не важно! Главное, что он живет на окраине города и не очень-то любит людей, – Фредерик весь сиял, повествуя. – Своеобразный малый, но вы подружитесь. Отец его, помнится мне, страсть, как любил волшебников.

– Работа. Подальше от людей. В городе, где я смогу осесть?.. – воодушевился осоловелый маг. – Кажется, теперь не в такой уж я заднице!

– Верно, мой юный друг, верно! Старина Фредерик избородил множество земель, слышал множество толков и все они всегда сходились к одному! – слишком расторопно для своих лет вскочил он с лавки и манерно вскинул руку к потолку. – Жизнь не подкинет тебе вызовов, с которыми ты не смог бы справиться!

– Надрать задницу паре проходимцев? Тоже мне вызов, – хмыкнул довольный Лео. – Может быть, у вас ещё и лишняя лошадь найдется?

– Должно быть, ты совсем невнимательно слушал меня? – посмотрел на него Фредерик,

слегка уязвленный. – В нашем распоряжении пара первоклассных скакунов и большущая, удобная повозка!

Дорога до Мордгарда заняла не больше недели. Местами ухабистый, слякотный из-за прошедших дождей путь прошел без нежелательных происшествий. Леонард с удобством разместился в просторной повозке с крытым верхом, больше напоминающей с виду карету. Сейчас она пустовала, поскольку Фредерик решил покончить с торговлей на восьмом десятке лет и теперь путешествовал исключительно по мелким делам, но в основном – в свое удовольствие, потому что попросту не знал, как жить по-другому.

Менялись с равнинами редкие и густые леса. И дружелюбные звери – пушистые их обитатели – высовывали из-под нарядных крон милые носы, провожая путников любопытными взглядами и добродушно фыркая вслед. Приветливые белки, грациозные олени, и проныры лисы то и дело сновали перед повозкой, дивясь статью и невозмутимой мощью гордых скакунов Фредерика. Радостно торговец приветствовал их и разбрасывал высохшими сдобными крошками вдоль дороги, угощая.

Впервые в жизни Лео умудрился углядеть волка среди пышных еловых ветвей. Лохматый пристально щурил глаза из глубины чащи, когда повозка проехала мимо места, где он решил отдохнуть. По всей видимости, хищник был доволен и сыт, оттого и не счел нужным обращать излишнего внимания на мирных путешественников.

Тракт этот разбойники совсем не ценили и уже давным-давно прекратили на нем всякий промысел. Торговые обозы встречались здесь редко, зато шансы нарваться на целый экипаж королевской гвардии были высоки. Путникам же повезло за все время увидеть лишь одинокого рыцаря, горделиво задравшего нос, проезжая мимо, даже не удосужившись ответить на улыбочивые салютования Фредерика.

Мордгард стоял недалеко от северной границы королевства. Город славился среди остальных обилием тюрем в своих окрестностях. Все эти серые, заплесневелые замки разместились западнее, недалеко от гор, и такое их положение было крайне удобно королевским законникам и спасало их от нежелательной головной боли. Беглых заключенных со всех сторон ждали одни неприятности. На западе – непроходимая стена гор, на юге и востоке – патрули и караулы стражи, а на севере – пограничные посты. Был лишь один шанс, скрываясь среди скальных хребтин, пересечь Слезу Гор и лесами улизнуть глубоко на север – в коварные лапы к жутким, бесчеловечным чернословам.

Но драпать в Крокснорт или Царствие Смерти, как его окрестили в простонародье, никто из узников даже не думал. Ужасающие байки и злые толки об этой темной, холодной стране пользовались настолько большим спросом, что все без исключения жители королевства Ваундвилл познавали страх и ненависть к чернословам едва позже материнской любви. От того и Мордгардский народ, что обитал теснее всех к Крокснорту, слыл людом мрачным, угрюмым и неустанно подозрительным. Жизнь в постоянной опасности и непосредственной близости к живым мертвецам сделала их такими: вечно озирающимися, всегда готовыми обнажить меч или выхватить топор из-за пояса.

Сказать по правде, бродячих мертвецов здесь давненько уже не встречали. Их присутствие и образы хранились в сердцах и умах горожан лишь благодаря истории, сплетням и воображению пьяниц. Кто-то кого-то видел ночью среди леса. Злобного, рычащего, совсем как не живого. Но с тем, чтоб принести в доказательство голову или хотя бы отрубленную конечность такого мертвяка пока никто не желал справиться, да и

намерением совершать подобные подвиги не горел. Тем более, что местные маги клятвенно заверяли остальных, мол держат ситуацию под контролем и ни за что не подпустят восставших покойников и на тысячу шагов близко к городу.

Охранный пост на въезде в Мордагрд миновали быстро и без трудностей. Фредерик показал одному из стражников какие-то бумаги и тот, разглядев множество знакомых ему и не очень печатей, даже отвесил гостям что-то вроде невнятного поклона.

Ход повозки сделался плавным, только въехала она на мощеную гладким камнем улицу. Терялись в рутине жители и совсем не интересовались приезжими. Мертвецы, как известно, с лошадьми не дружат, так что по здешним меркам эти двое не вызывали никакого пристального интереса и внимания.

Глаза горожан были задумчивыми и грозными. Даже женщины здесь казались слишком уж хмурыми, недоверчивыми. Мрачный нрав и неослабевающее напряжение, угадывались не только в насупившихся лбах мордгарцев, но и в их постройках.

Острые, как скальные пики, высокие, крепко сложенные из камня дома тянулись к небу воинственно. И веяли неизменной готовностью к битве, и будто б совсем не знали радости. Иные знатные жилища омрачали улицы барельефами, исполненными в поганом, гнетущем стиле. Зодчие высекли на них бойню, жестокую расправу над костлявыми человеческими фигурами – мертвецами, восставшими по велению Черного Слова. На одном Лео успел рассмотреть пожар костра, сложенного из поверженных неизвестными героями скелетов. На другом – храбрых воинов на горах из костей, отбивающихся от ползущей к ним нежити. Возможность отыскать хоть бы одну улыбку отсутствовала. И среди прохожих, и среди действующих лиц этого особенного настенного искусства.

– Да... есть здесь и свои недостатки, – виновато процедил Фредерик сквозь зубы. – Но там, куда я хочу тебя отвести далеко не так уныло.

– Бьюсь об заклад смотреть на эти пугающие картины, куда приятней, чем на грязные стены тюрьмы для умалишенных, – улыбнулся Лео. – Как бы там ни было, я рад познакомиться с культуру нашего народа.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что всё королевство такое! Нет! – поспешил объяснить купец. – Земля Вечных Садов, так нарекают его во всем мире! Ох, как же прекрасно и живописно они. Сколь разнообразно и таинственно. Я не устану благодарить жизнь за то, что позволила мне познать прелесть стольких странствий. До самого последнего своего вдоха. – Фредерик кашлянул, усмиряя порывы нахлынувшей на него ностальгии. – Что ж, не будем об этом...

– Нет, нет. Прошу продолжайте, – улыбнулся Лео. – Тем более, что узнать Ваундвилл лучше я могу теперь только по рассказам.

– Я бы не стал настраивать себя так. Уверен, придет день, и ты тоже сможешь отправиться, куда только вздумается. Вот увидишь.

На пути до конечного пункта совершили всего одну остановку.

Это была самая большая и почитаемая среди местных винная лавка. Старый знакомый и, в прошлом, деловой партнер Фредерика заметил повозку издалека, хитро потирая руки и выставляя довольную, гладко выбритую физиономию под редкие лучи Сердца Магии, едва пробивающиеся из-за рваных, седых облаков. Среднего роста, плутоватый на вид торгош фамильярно раскланялся, едва путешественники подобрались поближе к его торговому складу.

– Кого я вижу, быть того не может! – не теряя времени, стал вплетать блажь в уши

посетителей делец. – Какими судьбами, старый пройдоха?

– И я рад встрече, любезный Хавьер, – Фредерик учтиво наклонил голову, когда слез с повозки. – Чует твоё сердце о скорой наживе?

– А как же не чует? – гаркнул Хавьер, горячо обнимая давнего приятеля. – Встреча с тобой – всегда радость не только для души, но и для кошелька!

– Слаще и жгучей твоих напитков только твои пламенные речи, – разулыбался Фредерик. – Но как полагается, сначала дела, а потом поболтаем. Мне нужна пара бочек твоего лучшего. Нет, нет. Самого лучшего вина!

– Две бочки! Да ты с ума сошел, старик! – Хавьер даже хрюкнул от удовольствия. – Задумал меня дурачить?

– Пакость с ним, давай три!

Изумлению винного торговца не было предела. Он прямо-таки заерзал от возбуждения внутри своего пышного кафтана и мигом принялся хлопотать среди работников о немедленной погрузке трех бочек Рубиновой Лозы в повозку, где терпеливо ожидал Лео.

– А это кто с тобой, – Хавьер мимолетно поприветствовал волшебника кивком головы. – Не уж-то нашел себе приемника наконец?

– Ах, нет, – отмахнулся Фредерик. – Так. Подвез заплутавшего парнишку.

– Любишь ты людям задарма помогать! И как только у тебя удалось стать таким искусным купцом?

Пока молодой помощник Хавьера с трудом громоздил внушительных объемов бочки в телегу, хозяин лавки нараспев любезничал с Фредериком, довольно побрякивая выручкой, оттянувшей оба его кармана. Лео не слишком вслушивался в их треп, особенно после того, как смекнул, что касается он исключительно личных воспоминаний двух старых друзей и партнеров.

Встреча продлилась с половину часа. После два торговца наградили друг друга не менее пылкими и учтивыми словами прощания и разошлись каждый по своим делам.

Великая Кузница Мордгарда не с проста называлась именно так. Она вполне могла бы стать главной достопримечательностью города, если бы не её нынешний владелец.

Ворчливый и отчужденный Бьерн Искусник, не позволял никаким зевакам приближаться к ней без деловых вопросов ближе, чем на три сотни шагов.

Во времена его отца и дедов, от которых Бьерн унаследовал славу и семейное ремесло, дела обстояли иначе. День и ночь горожане без устали толпились здесь, разевали рты и поражались красоте кованых фасадов, исполненных из прочных, ценных металлов, украшенных мифических зверями и всеми видами оружия, какие только этот мир успел повидать за всё время его существования. Когтистые лапы, покрытые блестящей в лучах Небесного Сердца, как живой, филигранно вычеканенной чешуей, рельефная шерсть на клыкастых мордах, сверкающие глаза, инкрустированные переливающимися гранеными камнями; чередовались они с диковинными волнообразными саблями воителей Черной Пустыни, зазубренными, смертоносными кортиками и хитроумными бритвами пиратов Империи Архипелагов, и прочими-прочими экзотическими лезвиями со всех концов света. Обворожительная и невероятная работа нескольких поколений выдающихся мастеров теперь была сокрыта от глаз простых смертных.

Да, Бьерн позволял посещать свою невообразимую обитель, но только раз-другой в году по поводу больших городских празднеств. Сам же он в эти ненавистные ему часы запирали

двери на всевозможные засовы и уходил глубоко внутрь, напиваясь до беспамятства, чтоб не слышать нелюбимый гомон сотен глоток, восторгающихся снаружи. В первое время после того, как он с концами унаследовал кузницу, ему пришлось выложить кругленькую сумму стражникам, чтоб те отгоняли шатающихся по округе без дела детвору и бездомных. Но уже совсем скоро, через месяц-другой, он добился желанных покоя и уединения и теперь упивался своим одиночеством в полной мере.

– Великое творение небывалых мастеров, – вдохновенно проговорил Фредерик подгоняя повозку к стойлам. – Как жаль, что этот отшельник не позволяет людям любоваться своим жилищем чаще. Быть может, тогда жители Мордгарда не были бы такими угрюмыми...

– Поразительно! – Лео, кажется, впервые в жизни нашёл для себя нечто не менее восхитительное, чем магия. – Как такое вообще возможно?!

– Долгий, кропотливый и упорный труд целого рода, – объяснил Фредерик потирая спину после того, как неудачно прыгнул на землю со своей колесницы. – Эх, разогнуться б теперь...

Кузница стояла у самой опушки непроглядно густого леса, навскидку, в четверти часа пешей ходьбы от города. Массивные железные двери её, отделанные редким деревом баснословной цены, были распахнуты. Обычно жар внутри подолгу не унимался, бурлил и полыхал, и пах горячей сталью. Но сейчас горнила и наковальни молчали, не смотря на дневной будничныи час.

Судя по всему, ими не пользовались уже пару дней.

– Даю слово, наакался и где-то дрыхнет! – с легкой досадой заявил купец. – Но ничего-ничего. Сейчас устроим ему сюрприз. Прихвати-ка вон то ведро, если тебе не сложно...

К жилым помещениям от вольготной кузницы вёл каменный коридор. Двухэтажный, роскошный особняк делился на гостиную, кухню и спальные комнаты наверху. Наотмашь дал по носу резкий, характерный для многодневной попойки запах, едва визитеры преодолели порог большой залы с камином. Небрежно расставленные за круглым обеденным столом кресла пылились. Наискось висели четыре картины, едва не срываясь с гвоздей на стене, подпертой парой сервантов. Крупная туша зычно храпела недалеко от камина, развалившись на лохматом ковре.

– Слышь, пацан! Ты чё ненормальный?! – небритая, опухшая рожа с отъявленным недовольством шурилась после того, как её обладателя окатило холодной водой. – Ты как сюда вообще попал? Куда смотрят эти бездельники?!

– Я, эм... простите...

– И не стыдно вам, любезный, в вашем-то положении называть кого-то бездельниками, – широко заулыбался Фредерик. – Может, скажешь ещё, что совсем не рад встречи?

– Ах, это ты, старый плут, – кузнец унял гнев и с трудом стал вскарабкиваться на кресло. – Чего приперся то? Какими судьбами?

– Навестить старого друга, конечно, – отвечал Фредерик учтиво помогая Бьерну усесться. – А, может быть, и сделать ему предложение, от которого тот не сможет отказаться...

– Это только, если ты мне хочешь предложить выпить! – вскрипнул кузнец, крепко схватившись за голову. – Показывай уже свои подарки. Я же знаю, ты с пустыми руками не ходишь.

– И сегодня я особенно не с пустыми руками, – хитро ухмыльнулся торговец. – Думаю, удобнее всего нам будет переместиться во двор. Уверяю, ты об этом не пожалеешь.

– Как кстати. Не будем терять времени! – оживился кузнец, хватая внушительных размеров кружку с пола.

Бьерн зажмурил глаза и стремглав ринулся на улицу, едва не сбив Лео с ног. Этот сорокалетний мужик исполинского роста сложен был крепко и коренаст. Засаленная рабочая его одежда не отличалась особенным блеском. Сейчас он пребывал в состоянии отвратительно гадком и болезненном, но мысль о скором исцелении предавала его походке завидную уверенность, твердость и прыть.

Тусклый свет Сердца Магии всё же сумел пробраться сквозь прищуренные от боли веки и цапнуть кузнеца за виски с внутренней стороны черепушки. Но от одного вида трех громадных бочек с легко узнаваемой эмблемой Рубиновой Лозы его зенки обалдели и разлиплись в один миг. Он бесцеремонно повалил одну из бочек на бок и дерганул пробку на крышке.

Напиток заворковал, как горный ручей, наливая большущий кружак изысканной жидкостью кровавых тонов.

– Пусть свет Небесного Сердца хранит тебя еще сто веков, старый ты мошенник! – с облегчением выдохнул Бьерн, когда в два счета опустошил свой бокал и тут же принялся наполнять его заново. – Каким же знатным пойлом ты решил меня побаловать в этот раз!

– И чего только не пожалеешь для доброго друга, – ухмыляясь, плутовал Фредерик. – Как тебе рубин на вкус?

Кузнец ввернул пробку на место и привел бочку в стоячее положение. Следующую порцию горячительного он не хлебал, напротив, стал смаковать с выражением лица, как у искушенного в питейных делах дворянина.

– А ну-ка говори, в чем дело? – кузнец пристально оглядел купца. – Я ведь тебя знаю, шельмец. Вижу-вижу, замыслил ты что-то сомнительное.

– Может, для начала предложишь выпить гостям, нахальный ты батрак? – умело перевел тему Фредерик. – И пара стульев пришлась бы весьма кстати.

– Ох, где ж мои манеры!?! – кузнец повеселел и раздобрел на глазах. – Пардон, господа. Сию же минуту!

Из кухни были принесены два дубовых стула и две кружки размерами чуть меньше, чем у хозяина. Сам Бьерн вальяжно развалился на краю телеги, чтоб лишний раз не метаться до бочек. Стаканы наполнились, гости по очереди приняли их из могучих рук кузнеца. После расселись напротив, так, чтоб все хорошенько могли разглядеть друг друга.

От удара по старым дрожжам Бьерн расцвел и под щетиной его разлились живые краски и сладкая улыбка.

– Рассказывай уж, – кузнец отхлебнул снова. – Чем я такой радости обязан? И что за пацан с тобой?

– Это Леонард. Можно просто Лео, – представил Фредерик. – Лео, это Бьерн Искусник. Мастер дел кузнечных, каких в мире почти не осталось.

Знакомство скрепили рукопожатием, от которого у Леонарда затрещали костяшки.

– Дай угадаю, твой приемник, – ткнул пальцем в купца Бьерн. – Неужто ты стал подумывать о том, чтоб найти себе наконец ученичка?

– Не угадал, – уперся руками в торчащие острые колени Фредерик. – Это... твой новый подмастерье. Об этом-то я и пришел посудачить.

– Чего-о-о? – поперхнулся кузнец. – Ты бы мне еще девку свататься приволок! Совсем из ума выжил под старость лет? Не нужен мне никакой...

– Остуди свой пыл, старый друг. Дело серьезное и без положительного ответа я тебя не покину. Хотя мне придется спойть тебе все вина в Мордагардском герцогстве.

– Ты чего прицепился-то, как стригун к сраке? – бунтовал Бьерн. – Я учеников не искал и не собираюсь! Дело моё и только! И никаких сделок я заключать не намерен!

– Послушай, я парнишке жизнью обязан, – говорил Фредерик начистоту – И только так могу выплатить ему хотя бы часть долга. Пойми.

– Ничего я не понимаю! Какой жизнью? Чего у тебя там стряслось?

– А то, что паскудное ворье на днях меня чуть до смерти не забило, – напор Фредерика стал неистовым. – А этот юный маг, рискуя своей свободой и жизнью вступился и отделал тех двоих, как дворовых щенят.

– Вообще-то мне тоже хорошенько влетело, – разбавил разговор Лео, похлопав себя по ноющим ребрам, и протянул кузнецу опустевший уже стакан. – Извольте добавить... сэр! – Маг припомнил одну из здравец, какой научился в трактире. – За знакомство!

Бьерн и удивиться не успел, как быстро разговор этот перестал быть ему противным. Такой щуплый и справился с двумя грабителями разом? Ещё и выхлебать все умудрился так скоро?

– Чего? Маг? – задумался Бьерн, наливая вино. – А чего молодой-то такой?

– Изгнали меня... с академии, – выдохнул Лео, принимая полную кружку. – Теперь уже и не маг, получается, потому как колдовать мне запретили. Разве, что так, по мелочи.

– Чую я, что есть тут подвох! – фыркнул Бьерн. – Наверняка просто так с такой школы не попрут! Чего натворил-то хоть? Говори сразу!

– Учился так-сяк, учинял драки. А это, страсть как не ценится среди чародеев, – Леонард едва поморщился. – В довесок обвинили ещё и в занятиях Черным Словом, но... – Он громко хлебнул. – Но это сущая чепуха! Вруны поганые...

– А-а-а! Так вон оно чего тебя на север потянуло! – не удержался шуткануть Бьерн, но тут же остепенился. – Погоди-ка. Ты и впрямь чернослов?

– Могу поклясться всей своей кровью и всеми стихиями, что это вшивая брехня! – возмутился Лео и пыл его показался кузнецу весьма убедительным. – Уверен, среди учителей было много завистливых лжецов! Вот и замыслили выгнать меня. А потом и в Дом Скорби упрятать!

– Ничего не понял, – подвел кузнец.

– Стоит сказать, что Лео – весьма выдающийся и необычный волшебник, – вступился Фредерик. – Сила, что сокрыта в нём велика, но обуздать он её, к-хм, не всегда умеет...

– Вот тебе раз! Колдовать нельзя, а иногда само по себе колдуется? – хохотнул Бьерн. – Так оно что ли?

– Именно. И если кто заметит, как я творю чары, и донесёт, меня тут же закроют в темнице для мятежных или выживших из ума магов, – опустил голову молодой волшебник.

– Кроме того, Леонарду важно жить там, где есть канцелярии Трибунала. Оттого я и не могу забрать его с собой в странствия, но сделал бы так, не раздумывая! – торопливо добавил купец и по-отечески взглянул на Лео. – Но будем надеяться, это не навсегда. Быть может, с твоими почтенными рекомендациями, Бьерн, когда-нибудь он сможет вырваться и посмотреть мир.

– Ух и охмурил ты меня своими вином и байками, старик, – кузнец туповато почесал затылок. – А батька-то мой страх, как волшебников любил. Мечтал всё, что когда-нибудь такой будет у нас тут работать...



– Уж мне можешь не рассказывать, – выдохнул Фредерик и вскинул стакан над головой. – Помянем старину Кальда и его железный нрав!

– Помянем! – гаркнул Бьерн и все трое выпили до дна.

Знакомство и пьянка приободрились. Фредерик редко обновлял содержимое кружки, смаковал и цедил. Зато двое других словно устроили негласное состязание и в какой-то момент даже стали о том подшучивать. Бьерн пока слишком не обольщался, держался недоверчивым и суровым, насколько позволял ему одурманенный ум. Лео же обнаружил в себе новый талант – способность пить под стать бывалому вояке.

Не хотелось уже и помнить об унылой школе, а уж тем более, жалеть, что больше ему не придётся находиться в её заточении. И нынешнее положение казалось теперь скорее подарком судьбы, нежели испытанием.

Спокойствие и безмятежность тешили нежнее с каждым новым глотком. С интересом, внимательно слушал Лео беседу старых друзей. Купец и кузнец говорили много, перебивали и перекидывались глумливыми словечками, точно простолюдины, шутливо дразнясь. Как вдруг, нелепый их говор сменялся высокопарной речью, словно у знатных особ. И говорили тогда они нараспев, как поэты, и невозможно было перестать их слушать.

С разговоров тех прояснилось, что Фредерик водился друзьями ещё с отцом Бьерна. Наследнику Великой Кузницы не было и десяти лет отроду, когда впервые увидел он купца. В те времена Фредерик уже мог позволить себе не скупиться на дорогие подарки и баловал Бьерна всяческими диковинными вещицами, какие привозил со своих странствий. Так и завязалась их крепкая и цветущая по сей день дружба. И наблюдать за ней было приятно.

Лео всё пил, время от времени почитая ответом редкий вопрос кузнеца. А Фредерик, не в силах сдержаться, то и дело приправлял слова волшебника какой-никакой похвалой в его сторону. Так продолжалось, пока Небесное Сердце не стало клониться к закату. Все трое к тому времени заметно окосели.

– Всё это, конечно, здорово, но я вот о чем подумал, – прервал разгульную беседу Бьерн, когда засмеркалось. – Требую экзамен! На поступление ко мне в ученики. Пройдешь – считай, ты уже один из лучших кузнецов во всем королевстве!

– Так. И чего надо делать? – Леонард поднялся со стула и принялся по-дурацки озираться.

– Чары! Хочу посмотреть на твою магию! – Бьерн застучал кружкой по телеге. – Знаю-знаю, что нельзя тебе. А мы никому не расскажем! Я вообще с этими городскими не вожусь. От меня они точно ничего не услышат!

– Да больно тебе, Бьерн! – возмутился купец. – Парень рискует...

– Нормально всё! – отмахнулся Леонард. – Сейчас сообразим.

– Вот дурни! – распереживался старик. – Давайте хотя бы зайдем внутрь!

– Точно. Айда в кузницу! – согласился Бьерн. – Заодно покажу, где будешь работать.

Возможно...

Забавная с виду процессия из кряхтящего старичка и двух взбудораженных его собутельников направилась в кузницу. Внутри остановились и принялись туповато оглядываться.

Качало голову и глаза видели, как замыленные. Лео судорожно выискивал, где бы и как ему похвастаться своим даром. Нетерпеливо егзил кузнец и назойливо подначивал парнишку в темно-синей тунике. Фредерик презабавно пожимал плечами и невнятно бубнил себе что-то под нос.

Присев и опершись на колено, маг попытался остановить мысли, как когда-то его учили. Но голова предательски издевалась, подкидывая под закрытые веки совсем неуместные образы. Лео напрягся. Вены в висках налились кровью, лицо покраснелось. Он думал о концентрации, о потаённой силе, что насмешливо прячется, как шаловливый ребенок, где-то в глубине его естества. Он воображал пламя. Он помнил и знал его, как старого, доброго друга. И представлял...

Как вдруг!

Встрепенулся и вспрыгнул на ноги Лео, размахисто крутанувшись. Выпучил глаза и выпалил, рыча.

*Кальту-Сторо-Кальту-Вем!*

За тем ничего не случилось.

Раз за разом он повторял. Громычал и пыхтел, задыхаясь. И переплетал руки, кружился, бил об ладони коленями и локтями, пинал воздух. Со стороны казалось, будто сражается маг неумело с каким-то незримым врагом. Но большего не происходило.

Снова и снова силился Лео. Дёргано, резко.

*Кальту-Сторо-Кальту-Вем!*

Переваливаясь с ноги на ногу, он выглядел по-идиотски. На лбу проступила испарина.

– Так и я кривляться могу, – махнул рукой, потеряв терпение Бьерн. – Кальту-сральту!

– Тише, ты! – шикнул на него купец. – Волшебство – процесс сложный и требующий большой собранности. А ну не мешай, болван!

Бьерн не унимался. Подшучивал и издевательски приплясывал рядом с Лео, несуразно тряся задом, и расплескивая вино из кружки.

– А весело, оказывается, быть колдуном-то! – хохотал неотёсанный пьяный мужлан. – Щас я вам тут наколдую!

Изрядно Леонард выдохся и засмутился. За всё то время он так и не уловил ни одного знакомого щекотливого импульса внутри. Молодой маг не смог ухватиться за потоки Небесного Сердца. По телу они не струились, как обычно это случалось.

Душа волшебника зудела от стыда, и он виновато посмотрел Фредерика. Взгляд старика по-дружески сочувствовал в ответ.

Треволнения Лео обернулись накатывающей обидой, когда он коротко зыркнул на кузнеца. Бьерн громко нашептывал всякую чушь, двигая бедрами в такт самым громким буквам.

Наконец, кузнец остановился, развел руками и проговорил:

– Кажись, всё это время вы меня дурачили, ага? – не со злости, но по пьяной глупости издевался он. – Парень весь аж пропотел, но у него даже и бзднуть не вышло. А я-то вам и поверил. Наивный...

Слова эти кольнули нутро звенящим разрядом и с головой захлестнула злость. Всполохнули яростные искры в глазах мага и он, издав протяжный рёв, задрал руки кверху, точно хищный зверь в смертоносном прыжке...

Громко шлепнув ладонями о каменный пол, он обрушился.

– ДАВАЙ ЖЕ! – завопил Лео, забыв о приличии и сильно зажмурил глаза.

Окутала кузницу тишина. Даже Бьерн перестал паясничать. Лео не хотел поднимать веки, только слушал и увядал...

«Почему ты не хочешь работать, когда это так нужно?», – отчаянно спрашивал он самого себя. Но мысли его умолкли, прерванные трескучим рокотом пламени, и отчаяние

вытеснило ликованием.

Три великих горна пылали с неистовой силой. Могучим огнём запалило в них, до последнего, каждый уголек. Взвился пожар и потянулся к высокому потолку, играя на нём змееподобными бликами. Жар, каким кузница пылала в самый разгар работ заполонил её в миг.

Кузнец и старый торговец обомлели.

– Не, ну ты видал, как волшебников учить надо, а? – заорал Бьерн, когда речь к нему возвратилась. – Мастер! Великий Мастер Бьерн Искусник! Вот так дела-а-а!

Фредерик умудрился пустить скупую слезу от гордости и непередаваемого восхищения. Ох, как же растрогался это подвыпивший старичок и как же счастлив был, что план его удался.

– Как мы поладили, а! – орал Бьерн, словно сдуревший. – Не, ну это точно мой пацан! Беру! Беру! Беру! – кузнец одобряюще шлепнул Леонарда по плечу от чего тот едва ли не согнулся пополам. – Какого парня ко мне приволок этот старый плут! Батька-а-а! Ты был бы доволен!

Сказал кузнец и осушил свою кружку до дна.

## Глава 3. Новая жизнь

Четыреста и ещё девять лет минуло с тех пор, как люди стали достаточно разумны, чтоб их лидеры и ученые смогли договориться об общем летоисчислении. Перед этим они уже успели разделить между собой земли по потребностям и климатическим предпочтениям, и даже перестали затевать масштабные и затяжные сражения в споре за господство над той или иной частью мировой территории. Конечно, закономерные и естественные для жизни распри вроде грабежа или морских набегов на границах государств исчезать насовсем никуда и не думали, однако, правители соседствующих стран, по их собственным заявлениям, никакого отношения к столь безобразному поведению подопечных им граждан не имеют.

Существуют между королевством Ваундвилл – Землей Вечных Садов, Ковантией, именуемой также Черной Пустыней и Равваррией, называемой Империей Архипелагов, как между самыми цивилизованными, и культурные соглашения. Главной задачей таковых является изучение и построение картины нашего общего мира.

Независимое Общество Астрономов и Географов, куда попадают лучшие умы из трех государств, уже больше четырех веков трудится во благо общей цели, не теряя время на расовые предрассудки и прочую ерунду. За это время удалось им удостовериться в том, что мир наш похож на, местами выпуклую, рельефную монету (Круг), располагающуюся под небольшим наклоном относительно Сердца Магии. Нижняя её часть – юг, всегда находится намного ближе к Небесному Сердцу, чем верхняя – север. Об этом свидетельствует общее направление всех мировых рек: так или иначе, все они без исключения быстро или медленно текут в южном направлении. А ещё – погодные условия, с характерной вечной жарой внизу (на юге) и почти что непрекращающейся, бесконечной мерзлотой наверху (севере).

Очевидно, что наклон не слишком сильный, поскольку корабли спокойно могут вернуться в северном направлении по океану. Ветер и особенная, подвижная конструкция парусов позволяет мореплавателям подниматься кверху без особых трудностей. Однако, даже не слишком уж бывалый моряк знает, что если один и тот же путь в южную сторону занимает десять дней плавания, то на обратный ход потребуется не меньше пятнадцати. При полном же штиле, корабли так или иначе со временем относят на юг, что в очередной раз подтверждает науку, определенную Независимым Обществом Географов и Астрономов.

Помимо прочего “монета” или Мировой Круг вращается вокруг себя самого. Об этом свидетельствует смена дня и ночи и никаких излишних споров сей факт ни разу не вызвал. Правая часть Круга – восток – ведёт мир за собой, а левая – запад – всегда следует за ней. Время рассвета и заката Небесного Сердца в разных частях Круга отличается чуть меньше, чем на пару часов, а протяженность дня и ночи одинакова. Эти наблюдения явно подтверждают правильное определение формы мира и его положения относительно Небесного Сердца.

А вот со сменой времен года дела обстоят чуть сложнее. Год, как некоторая мера времени окончательно утвердился позже всего остального. Он включает в себя два лета и две зимы, – периоды резкого и значительного изменения погоды, с плавными и длительными, умеренными переходами между ними. Каждая зима и лето занимает по два месяца, а каждое межсезонье – по четыре. В общей сложности – шестнадцать месяцев в году.

Больше всего ученых сбивало с толку положение Сердца Магии на небе в летние и зимние времена. Первую зиму и первое лето ему характерно находиться всегда чуть ближе к западу в полуденное время, а во вторую зиму и второе лето – к востоку. Долгие наблюдения и размышления по этому поводу привели мыслителей к некоторым заключениям. Конкретно, о том, что мир двигается по спирали: туда и обратно, то приближаясь к Сердцу, то отдаляясь от него. Если говорить совсем точно, то за определенный учеными год, мир буквально описывает контур песочных часов, лежащих на боку. Когда Круг максимально отдаляется от Сердца в конечной, левой точке спиралевидного контура, наступает первая зима, знаменующая начало года. Затем он медленно приближается к Небесному Сердцу по короткому витку и следом за первой зимой наступает лето. После, преодолевая длинный виток межсезонья, Мир, отдаляясь, уходит вправо, пока не наступит вторая зима. За ней приходит второе лето. И так далее.

Вся эта странная модель раньше казалась сложной для понимания даже выдающихся мировых умов, однако, на деле и смерды как-то по наитию, быстро научились отличать первое лето и зиму от вторых. Людям с абсолютно разными головами эти объяснения стали комфортными и понятными, от чего Независимое Общество Астрономов и Географов пришло к выводу, что заключения их абсолютно верны.

А вот о том, что таится в нижней части Круга, то есть, на другой стороне “монеты”, никто до сих пор не выяснил, а возможность сделать это на сегодняшний день считается невыполнимой. Самые невероятные теории предполагают, что там может существовать точно такой же мир, где день начинается тогда, когда в нашем наступает ночь. Однако, задумки эти быстро потеряли популярность, поскольку все же существует один нюанс, благодаря которому они никак не складывались.

А именно – минералы.

Невероятные, таинственные образования, произрастающие в земных недрах. Некоторые из них обладают небывалой волшебной мощью, могут исцелять и разрушать, защищать и истощать, неся в себе неисчислимые магические возможности. Обнаружить такие можно в уходящих под землю пещерах или шахтах, и чем глубже находится минерал, тем большей магической силой он обладает, и тем сложнее его добыть, и тем сильнее он ценится.

Именно зависимость насыщенности магией относительно глубины зарождения минерала и подсказывает ученым о том, что ночью Сердце Магии напитывает Мировое Дно (обратную сторону Круга) своей благодатью, отдавая в это время суток свою энергию на рост минералов. Тем более, что в ночное время суток они начинают ярко сиять, заливая пещеры и шахты неопишуемой красоты цветами, освещая их не хуже, чем Небесное Сердце делает это с поверхностью днем. И это ещё раз подтверждает принятую ныне теорию об обратной стороне Мирового Круга.

Об остальном же пространстве вселенной за пределами Мирового Круга доподлинных известий не имеется. Недостижимые территории принято называть Пустотой, а о возможном существовании прочих миров, какие предположительно могут также располагаться вокруг Сердца Магии, до сих пор не нашлось и захудалого намека. А такой феномен, как Лабиринты Магии – бледные линии, заметные лишь на ночном небе – напрочь ломает головы астрономов и ставит их носом в ничем непробиваемый тупик.

Или, может быть, они пока так и не сочли нужным делиться результатами своих исследований по этому поводу с прочими обитателями Круга...

– Когда вы, говорите, к нам приехали? – сутулый и с залысиной волшебник пристально разглядывал Леонарда сквозь очки с посеребренной оправой.

– Вчера. Немногим позже полудня, – отвечал ему молодой человек, сидя напротив через маленький письменный стол.

– Хорошо. Надо будет уточнить у городской стражи, – промямлил сотрудник магической канцелярии и выцарапал что-то пыльным гусиным пером на листе землистой бумаги. – Скажите, вы часом вчера вечером не колдовали?

– Нет, – свел брови Лео, стараясь не выдать беспокойства. – А что?

– Да, так. Спрашиваю на всякий, – плешивый снял очки и небрежно обтер их об свой давно не стираный воротник. – Оракулы, знаете, как-то больно уж сильно тряхануло после заката. Но мало ли что там бывает. – Он указал длинным пальцем на кусок зеленоватого семейства минералов, стоящий на его столе в цветочном горшке. – Вы ведь знакомы с ними?

– Конкретно с этими – нет, – отвечал Леонард, кинув косою взгляд на замысловатое, похожее на хаотично искромсанный кактус образование.

– Такого цвета очень чувствительны к магии, – зачем-то стал рассказывать канцелярский маг. – А ещё, с их помощью можно переговариваться и смотреть на большом расстоянии. Иногда, даже в прошлое. Но я вот ещё не разобрался, как это делать...

– Интересно, – нагло соврал Лео.

Формальный допрос продлился недолго. Не больше половины часа и Леонард освободился до следующей недели. Подметив, что такого вот горе-инспектора раз-другой можно будет легко одурачить коли чего, молодой маг, улыбаясь, покинул тесный, захламленный книгами и кипами бумаг кабинет.

Снаружи его ждал Фредерик. Купец снарядился в следующее путешествие по делу, связанному с какой-то банковской бюрократией. Оно и привело его в ту злосчастную деревню, где ночью Леонарду выпал шанс блеснуть своими умениями и выручить старика.

– Ну, свидимся еще, – Фредерик в излюбленной им манере добродушно улыбался. – Я обязательно навещу вас с Бьерном когда-нибудь. Вероятно, довольно скоро.

– Будет здорово, – кивнул Лео. – Не гуляйте больше по ночам.

– Твоя правда, – недовольно помотал головой купец. – Раньше-то, когда я вёл дела, со мной путешествовала парочка умелых головорезов и за свою шкуру я не слишком опасался. Впредь нужно быть осторожней и одеваться поскромней.

– Да уж. Не спокойно тут у вас, – поморщился Лео.

– Да брось. Ты быстро привыкнешь. Кстати, я вот чего ещё хотел, – Фредерик достал из кармана заготовленный заранее, плотно набитый монетами тряпичный кошелек. – Это тебе. Скромное подношение за твою неоценимую услугу.

– Мне уж и неудобно, – засмутился молодой маг. – Вы ведь и так устроили мне жизнь, о которой я и мечтать не мог...

– А ну ка не спорь. Не расстраивай старика! – буркнул торговец и нагло пихнул презент Леонарду. – У меня этого добра навалом. Поверь мне, мои целые кости я оцениваю гораздо выше. – Фредерик заулыбался вновь, когда Лео нехотя принял кошелек. – На первое время хватит с лихвой. Или про запас, если этот скупердяй надумает тебя дурить. Купи себе

хорошего скакуна. Ну, или женщину на ночь, а лучше – двух. Но перед этим – принарядись!

– Спасибо. Не знаю, что и делал бы без вас, – Лео даже растрогался. – Спасибо!

– Уверен, и без меня бы справился, – заключил купец. – Ну, что ж. Не будем тянуть.

Быстрее уеду – быстрее обернусь. Всего тебе доброго, юный маг! И до встречи!

– До встречи!

Проводив удаляющуюся повозку взглядом, Лео поплелся к городу, несколько раз перепроверив, надежно ли улегся в кармане тугой кошелек. На обратном пути он решил прогуляться и внимательней изучить городскую окраину. Тем более, что погода сегодня к тому располагала. Мир перевалил за середину цикла между первым летом и второй зимой, поэтому теплые дни, когда Сердце Магии почти не скрывалось за снеговыми тучами пошли на убыль. Такие светлые, как сегодня, скоро могли надолго пропасть, посему Лео и решился на променад.

Мордагрд был велик и заблудиться в нём не составило труда. Одноликие, серые дома не слишком уж отличались. Забудешь один-другой поворот и сориентироваться уже невозможно, если ты не прожил здесь достаточно времени. К тому же, на указателях названия улиц встречались нечасто, лишь на самых широких из них, каких было раз-два и обчелся. А между ними приходилось пробираться среди худых, загаженных проулков и всё это городское сообщение напоминало собой один большой, бескрайний, каменный лабиринт.

Лео быстро смекнул, что не имеет ни малейшего представления, о том где находится. Не унывал и всё же старался не сбиться маг с курса и припомнить откуда светило Небесное Сердце, когда он зашёл в город. Но высокие постройки неугомонно скрывали светило и совершив с десятков поворотов, Леонард окончательно сбился с толку, ещё не успев привыкнуть к перемещениям в подобного рода пространствах.

Настроение улыбалось. И помыслить не мог унывать молодой маг. Так или иначе, он бы спросил дорогу до кузницы, но не сейчас... Сейчас хотелось дать шанс этому маленькому приключению привести его к хоть сколько-то значимому или, по крайней мере, интересному, запоминающемуся месту.

Так оно и случилось, спустя час неторопливых, извилистых скитаний по мрачному, бесцветному городу.

Он выбрался на необъятную, ясную площадь, где шумно устроился людный базар, пестря многообразием своих товаров. Беспорядочно чередовались торговые ряды, заваленные глиняной посудой и мехами, душистыми специями и чарующими, цветастыми флаконами парфюмеров и алхимиков. И разливался над ними гомон споров и соглашений, и жарко пахло печёным хлебом, и свежим варёным хмелем. А лица людей здесь были другими, не такими, как на окраине – живыми, подвижными, настоящими. Одни улыбались, другие в сомнении кривили губы, третьи – горячились пурпуром от возмущений. И одежда на людях была другой. Разной. Нарядной и строгой, дорогой и помпезной. И все эти костюмы, и гам, и всеобщая возня навевали каким-то негласным, праздничным торжеством.

Но не смел подступаться базар к центру: там вознеслась громадная статуя, мрачная, но, всё же, исполненная до восторга умело. Линии совершенных деталей чаровали взгляд и невольно перед ней клонила голова в дань неизвестному мастеру-скульптору.

Высеченный в белом граните, возвышался над площадью воитель-герой в элегантных латах. Полированной бронзой блистал у него на груди Мордгардский герб – морда хищной лесной кошки. А рукой он держался за меч, пронзивший голову поверженного им мертвеца. Изрубленный, обтянутый тонкой кожей скелет, лежал у него в ногах. Череп его весь был

иссечён трещинами. Искусной резьбой строчились они и сходились там, где в гранитную кость проникал резной клинок.

Никто кроме Лео, казалось, не обращал внимания на величественную, грозную фигуру, сотворенную неоспоримо талантливо. Горожане всё спешили, торговались, ругались и смеялись, шаркали сапогами, наполняя округу единым, непрерывным жужжанием.

За статуей от взгляда пряталась дивная аллея. Проход к ней начинался на другом конце площади. Его стерегли кованые врата и двое стражников в коричневых стеганных мундирах.

Маг поспешил рассмотреть и её, когда глаза его вдоволь насытились видами великолепной скульптуры.

Аллея мостилась белым камнем, блистающим в лучах Небесного Сердца. Вдоль неё зеленели пышные деревья и яркие цветы пестрили своим многообразием. Она вела выше, к колоссальному светлому замку, который, как известно, являлся резиденцией короля в моменты его редких визитов. Когда же король по своему обыкновению отсутствовал, восседая в столице Ваундвилла – Цветущей Скале, – замок полностью отходил в распоряжения Мордгардского герцога, его слуг, свиты и прочих государственных деятелей. Жили там и придворные маги, и рыцари, и солдаты высоких рангов.

О подобных порядках Леонард вскользь слышал от Фредерика, но в подробности не вдавался, поскольку жизнь политиков и знатных людей его не слишком уж занимала.

– Эй, ты куда прешься? – окрикнул очарованного видами Леонарда стражник, когда маг слишком близко подобрался к воротам. – Чего вылупился? Дурачок что ли?

– Я? Чего? – из вдохновенного оцепенения Лео вернулся к удручающей действительности. – Какие-то проблемы?

– Ты проблема, пацан! – буркнул второй солдат, сжав свою алебарду крепче. – Отвали-ка! Таким как ты нечего здесь ошиваться!

– Каким? – искренне недоумевал Леонард. – Я не понимаю...

– Точно блаженный! – заключил первый охранник, искоса взглянув на товарища. – Небось, недавно выпустили с местной дурки.

– Короче, вали отсюда, – серьезно поглядел на Лео второй стражник и похлопал по древку своего орудия. – Иначе щас по шее огребешь. Понял?!

– Да, хорошо, хорошо! – Лео гневно взглянул на обоих и добавил себе под нос, когда отошел. – Дикие какие-то.

Эти двое в очередной раз знатно подпортили впечатления молодого волшебника о жизни вне школы. Его беспечность пошла на убыль, но радость от знакомства с Фредериком, столь учтивым, добродушным и вежливым значительно возросла.

Стараясь отбросить гневные мысли, Лео осмотрел торговый ряд и ещё раз потрогал отвисший в кармане, тяжелый кошелёк. И мысль, что пришла ему тогда в голову, заметно приободрила.

– Простите, не могли бы вы?.. – обратился он к притягательной женщине в лавандовом, облегающем платье – торговке одеждой, вышедшей из своей лавки. – Что-нибудь...

– Ещё бы! – она наградила юношу обворожительной улыбкой, от которой ему захотелось запеть. – Ищите что-то? Или, быть может?.. – торговка внимательнее оглядела Лео и пыл её унялся. – Чего вы хотели?

– Что-нибудь похожее, но только поновее, – неуверенно объяснил маг, потянув за свою изношенную тунуку. – Хорошо бы, чтоб был капюшон.

– Вы представляете, сколько это будет стоить? – подозрительно прищурилась хозяйка



лавки. – У меня найдется все, но...

Лео вытащил кошелек, развязал и высыпал в ладонь горсть монет, впервые увидев золото. Но так и не понимал он ценности того, что держит сейчас в руках. А вот торговка оживилась. Задвигалась грациозно, как дикая рысь, и обратилась обольстительно ласковой и приветливой, точно созревшая дева перед красавцем-возлюбленным.

– Молодой господин любит туники с капюшоном? – элегантно закружила она перед Лео, играя изящными бедрами, и будто бы невзначай нежно коснулась тонкими пальцами его плеча. – Высокий и статный. Ах, как же хорош!

Как воск в печи, таяли внутренности Лео. Бросило в жар, и слова позабылись. Глубоко вдохнув, он глупо затряс головой, соглашаясь.

– Наверное, любит магов? А, может быть?.. – мягкая, бархатная рука её скользнула от плеча Лео к груди. И ниже. – Он и сам могущественный чародей?

Словно парализованный, он судорожно сжал кулаки и выправился, как натянутый канат. Торговка хихикнула и кокетливо развернувшись, поманила мага за собой в лавку. И он повиновался, подметив, как пленительно и прелестно волшебство женского обаяния. Не чета той ерунде, какой забивали им голову на уроках подчинения разума.

Перед самым входом маг глубоко вдохнул трижды, пытаясь совладать с оцепенением и всеми этими новым чувствами, овладевшими им. Совершенно точно не была она ворожеей, но странное, пылкое волнение внизу живота Лео смог бы сравнить лишь с действием коварного колдовства.

И он шагнул внутрь.

В лавке было светло и пахло сладким, пьянящим парфюмом. Ряды деревянных манекенов с цветастыми платьями и роскошными нарядами, толпились вдоль стен, увешанных одеждой попроще. Хрупкая девчушка-подмастерье снимала мерки с пожилой, строгой дамы, то и дело выражающей своё вечное старческое недовольство. Старушка только и ждала подходящий момент, чтоб одернуть руку от неаккуратных, по её мнению, прикосновений и не стеснялась брюзгливо журить юную помощницу за нерасторопность.

Леонард бегло осмотрелся и проследовал за торговкой, снующей между шифоньерами. Она наградила мага очередной пряной улыбкой, когда он приблизился. На присогнутой руке её уже висело несколько туник.

– Как на счет этой? – обольстительница прикинула к Леонарду темно-зеленую. – Подойдет к незабываемым глазам юного господина.

– Хорошо. Как скажете, – Лео не смел и вспомнить о самообладании. – Куплю её.

Торговка аж подавилась: похоже, что хитрые речи, какими она намеревалась соблазнить Лео ей не пригодятся. Тогда голова её переполнилась новыми планами, подстегиваемые разгорающейся жаждой наживы. Сложно было поверить, как же легко ей удалось подцепить этого наивного простачка.

– Всего одну или, может быть, хотите взять впрок? – предложила хозяйка лавки. – Желаете посмотреть и на другие?

– Давайте, – с простодушной улыбкой Лео кивал в ответ. – Давайте я возьму их все!

Она не верила своим ушам и не на шутку воодушевилась. Нагло схватив Леонарда за локоть, торговка оттащила его к деревянной ширме. Закинув на неё туники и для приличия предложив магу примерить их, она ненадолго оставила его, чтоб нагрести ещё и самых дорогих штанов из тех, что ей только удалось отыскать.

Лео перелазил из одной туники в другую и скромно выглядывал из-за укрытия, раз за

разом получая всё более пылкие и сочные комплименты о том, как же подходит ему и как же славно сидит на нём каждый новый наряд. Охмунив следующей порцией угодливых восхищений, торговка легко убедила мага в том, что его старые, грязные портки смотрятся совершенно нелепо на фоне свежей одежды. С тем ей легко удалось втереть ему четыре пары штанов самого изысканного кроя.

Оба были довольны этой удачной, судьбоносной встречей и оба сияли от счастья. Торговка едва успевала перевести дух от бесконечной своей болтовни, в которой, к слову, привирала умеренно. Вещи Леонарду взаправду были к лицу, и давно скудный его гардероб нуждался в обновках. А маг, позабыв обо всем на свете, впервые наслаждался обществом милой, манящей женщины, оплетенный таинственной её ворожкой.

Услужливая и ласковая, невероятно щедрая на похвалы и восхищения, она пьянила его разум сильнее тех немногочисленных напитков, которыми Лео успел уже научиться травиться. Кошачьи движения и мимолетные нежные прикосновения разбудили в нём нечто доселе ему неизведанное. Что-то, что заставляло его сердце маршировать, неистово разгоняя кровь по телу. И теперь это не могло не бросаться в глаза.

– Думаю, для начала молодому господину хватит, – торговке сделалось не по себе от того, что Леонард стал пялиться на неё через чур откровенно. – Но он может вернуться в любое время, если того пожелает.

– Да, я обязательно вернусь, – тараторил маг, неряшливо напихивая ранец новыми вещами.

Хозяйка лавки хотела посоветовать ему быть аккуратнее, но промолчала. Только подозрительно наблюдала за странным клиентом, испытывая при этом нечто необъяснимое. Она не могла понять наверняка, но казалось ей, будто бы паренек этот весь искрится какими-то дикими, непокорными огнями. Но сила эта вовсе не привлекала, напротив, нагнала на женщину леденящего страха, и она затрепетала, перестав чувствовать себя властной искусницей. И ни его учтивость и скромность, ни даже простецкое, почти что крестьянское поведение, не могли больше убедить её в том, что ей не стоит прекратить этот ставший невыносимо душным и неприятным контакт.

Леонард опомнился, когда смекнул, что слишком долго уже в полном молчании испепеляет чем-то испуганную женщину взглядом. И засмутился сильнее. Он шустро сунул руку в карман и второпях достал две золотые монеты, протянув их торговке:

– Ну, тогда я пойду. Хорошо? – как выдающийся дуралей, он улыбнулся и застенчиво заключил. – Спасибо большое!

Хозяйка вся окостенела, не в силах и шевельнуться после того, как Лео оставил её наедине с помощницей. Неслыханная удача явилась ей сегодня, но отрадное пиршество неожиданно кончилось трауром. И только гнёт боязни перед непостижимой силой скрёб теперь душу, и она трепыхалась.

Торговка оторопело закрыла за ним двери, гремя непослушным засовом, и наглухо задернула шторы. До самого вечера не решалась она покинуть лавку.

Но деньги всё-таки решила оставить.

– Вы только поглядите, какой фронт! – объявил уже успевший налакаться кузнец, почесывая щетину. – Теперь-то понятно, куда ты запропастился.

Леонард, гордо задрав нос, чванно гарцевал на вороном, лоснящемся в свете Небесного Сердца жеребце.

На нём красовалась новенькая туника цвета северных морей, щегольские серые штаны и великолепные, чешуйчатые, черные сапоги чуть ниже колена, севшие на ногу, как влитые.

– Никак познакомился с нашими торгашами? – подметил Бьерн. – Много денег-то оставил?

– Три золотых за одежду и пять за коня, – отвечал Леонард несказанно собой довольный.

– Ты что больной? – кузнец поперхнулся. – Нет, нет. Конь твой, без спору, столько и стоит. Но кто тебе втюхал эти лохмотья за такую грабительскую цену?

– Ну... – Леонард слегка помрачнел. – Остальные вещи в рюкзаке.

– Да хоть бы ты целую телегу приволок!

– Уж простите, – насупился Лео. – Мне про цены никто не рассказывал.

– Вот ведь довольные рожи у этой сволоты пади сейчас! Послала им судьба дурака с деньгами. – шлепнул себя по лбу Бьерн. – Тебе небось Фред золотых насыпал?

– Ага.

– Так ты это брось их налево и направо раскидывать, пока не разобрался что к чему, – Бьерн перестал причитать, припомнив о своей роли мастера. – Ладно уж. Я понял. Наставлять тебя придется не только в делах кузнечных.

– Было б неплохо, – виновато согласился маг, кое-как спешившись. – Мне бы ещё верхом научиться ездить.

– Тому учи, сему учи, – буркнул кузнец лениво. – Но это ничего. Разберешься ещё. Попроще будет, чем колдовать-то.

Хоть и несдержанной страстью пылал Бьерн к выпивке, но был работающим и дело своё любил. Потому и задумал, не откладывая, здесь и сейчас познакомить Лео поближе с кузницей. Без лишних формальностей и тошнотной субординации он всучил подмастерью кружку и велел до краёв наполнить её вином, а заодно и подлить ещё мастеру. Самому учтивому и мудрому мастеру, как сказал сам кузнец. И Леонард, немедля, заторопился исполнить своё первое поручение. И был тому несказанно рад.

Когда с задачкой покончил, услужливо подал Бьерну вина и оба, стукнувшись кружками, отправились в неспешную прогулку по кузнице.

– Я тут поразмыслил утром, и понял, что лишние руки в ковки мне не очень-то и нужны, – вышагивал Бьерн размеренно и объяснял. – Но раз уж так вышло, что ты чародей... в общем... – Кузнец неуверенно помялся. – Не знаю я, как всё это у вас там получается, но смыслишь ли ты в заговорах? Оружия там, да или чего угодно для начала?

– Хм... Думаю, с этим не должно возникнуть трудностей! – оживился Лео. – Заговор он ведь совсем не во вред, только на пользу! К тому же, магия эта совсем незамысловата. Как я слышал... – И он добавил честно. – Но сам, увы, добраться до неё не успел.

– Вот ведь!.. – ругнулся кузнец.

– Но это ничего, – успокоил его Лео. – Было бы где обзавестись одной-другой книжкой, а там уж я разберусь. Точно разберусь. И даже с удовольствием!

– Другое дело! – загадочно улыбнулся мастер и ринулся в кузницу. – Иди-ка за мной.

Побродив между наковален взад-вперед, Бьерн почесал затылок, и наконец, вспомнил, куда подевал ключ от склада. Бойко он прошмыгнул в особняк, порыскал на кухне, и скоро возвратился, бренча увесистой связкой.

– Пойдем-пойдем. Сейчас покажу чего, – поманил довольный и затейливый кузнец. – Думаю, тебе понравится.

В углу кузницы, в тени пряталась железная дверь. Звякнув, ключ отворил её. У порога

без дела маялась алхимическая лампа, полная пахучего масла. Разболтав, Бьерн запалил её от уголька из горнила, и пригласил мага проследовать за ним в темноту.

Долгим коридором тянулся заставленный скрипучими ящиками и заваленный болванками и заготовками склад. Робкий, не успевший ещё разойтись как следует огонек, тускло обрызгал его светом.

Они шли осторожно, переступая и перешагивая, а потом остановились.

– Подержи, – сунул лампу магу Бьерн и принялся с лязгом разгребать завал на пути. – Ага, давай. – Принял обратно светильник кузнец, когда справился. – Идём.

В самом конце склада у стены, закутанный в паутину, громоздился старинный, битком забитый книгами, шкаф. Бьерн снова передал лампу и, морщась, смахнул с него липкие сети.

– Вот, полюбуйся, – хвастанул кузнец, отряхивая с рукавов паутину. – Батяня мой всю жизнь собирал.

Лео неуверенно пожал плечами.

– Не слушал что ли, когда мы с Фредом болтали? – насупился Бьерн. – Батяня мой, волшебников уважал. Да что там, души в них не чаял. Так и собирал по всему свету книжки всякие. О том, как чарами сталь укрепить, о том, как заговаривать. И всё воображал, чтоб волшебника нам нанять. Но так замысел свой до ума и не довел – помер. Но подготовиться успел, как надо. – Он тяжело хлопнул по шкафу. – В общем, тут есть всё, о чем в мире узнать за это дело успели. За колдовское. Смекаешь?

– Неужели, это всё?.. – разинул рот Лео. – Это всё магические книги?

– Так и есть! – подтвердил Бьерн. – Все до единой.

– Невероятно!

– Потому, можешь теперь зачитываться, сколько влезет, – сказал кузнец. – Хорошо, если с этого выйдет толк. Уж постарайся чему научиться. Заживешь тогда, как сыр в масле.

– Я даже... Не знаю, что и сказать, – не прекращал изумляться маг. – Это потрясающе!

– Не то слово, – гоготнул Бьерн. – Рассказывал как-то батяня, что одна из книжек ему чуть жизни не стоила.

– Интересно бы знать, какая...

– Да это он набрехал! – отмахнулся мастер. – Не верю я, что в мире есть такие зануды, что готовы за книжку убить.

Задорно Лео хохотнул.

– Ну... ты понял, чем предстоит заниматься? – сурово посмотрел на него Бьерн. – Вперед! Ешь, пей, сколько влезет и читай. Уму набирайся. А я пошел. Пора бы уж и за работёнку взяться.

Он оставил лампу ученику и удалился.

– А вы? – окрикнул его Лео. – Ничего тут не изучали? Не посоветуете, с чего начать?

– Ты знаешь, я как-то не очень-то хорошо... Ну, это. С чтением не дружу, – нехотя признался Бьерн. – Нет, буквы ещё мало-мальски разбираю, но чтоб писать, так это точно никак.

– Ах. Хорошо.

– Но ты-то? – на всякий случай спросил Бьерн. – Ведь в школе тебе рассказали, как слова в книжках понимать, верно?

– Будьте спокойны, эту науку я освоил превосходно, – заверил его маг. – Без навыков чтения и письма к магии никого и не подпускают...

– Ну, ладно, ладно. Эт хорошо.

Бьерн ушёл, доверив книги и алхимическую лампу ученику.

И алчно Лео накинудся на книжные собрания. Благодарность Фредерику и Бьерну бурно подстегивала в нём желание не отставать и быть полезным взамен. Тем более, что в Школе Рассветной Росы он маялся, по большому счету от того, что учителя и кураторы раз за разом заставляли студентов перечитывать одни и те же, унылые, скучные сочинения, где не находил Лео для себя ничего нового и увлекательного. Он сильно изнемог терпеть этот несносный порядок, совсем утратив надежду утонуть в изучении магии с головой. Без глупых запретов и нудной зубрежки. Без границ и без остановок. Как храбрый исследователь, отправиться в путешествие, пускай и смертельно опасное, но захватывающее и завораживающее, по просторам магических наук. И провести эксперимент, ошибиться, обжечься, лишиться бровей, да пусть даже глаза. Но не сдерживаться, не стесняться и купаться в лучах славы первооткрывателя после.

А порой ему казалось, что в учебниках школы хранится сушая ерунда. словно бы дурят их бессовестно, пока не научатся юные чародеи быть покорными и смиренными, как марионетки, как послушные куклы. Но магия играла с ним иначе, не так, как с остальными. И говорила, а иногда и кричала, чтоб он слушал себя, а ни их – хитрых, лукавых творцов злой системы, не желающих делиться истинным могуществом с остальными. Чтоб не взрастить себе достойных соперников. И чтоб никто не осмелился бросить им вызов.

Магия говорила с ним во снах, и он слушал. Он доверял. И от того невзлюбили в школе его остальные. И ученики, и учителя. Но вот он свободен и привела его судьба туда, где может он открыть тайну. А за ней и другую, следующую. И воодушевился Лео, нагребая одну книгу за другой, оголтело шелестя страницами, наваливая энциклопедии и альманахи горой друг на друга.

И вспомнил он снова, как их учили. Не сметь, не дерзать, не решаться. И ржавыми, заразными гвоздями вбивали в голову страх к волшебству. Чтоб опасались ученики колдовать без присмотра, чтоб не смели они свершать открытий сами, чтоб верили тому, как сложна магия и как смертоносно неприветлива.

И Лео вдохновился сильнее, купаясь в шуршании тысяч страниц.

Но магия вправду была таковой. Опасной и неприветливой. И тысячи загубленных ей чародеев – тому подтверждение. Одни могли пропасть без вести, другие испепелиться, а прочие... Так или иначе, многие умирали. И оттого в академиях Ваундвилла прежде всего учили осторожности. Но Леонарду все эти истории и предостережения чудились крошечным бредом. Он знал свои силы и верил, что может больше, лучше, быстрее. И сколько бы наказаний и выговор не пришлось ему пережить, отступить он не собирался. И теперь, словно бы прозрев, он предвкушал, как обязательно отыщет что-нибудь стоящее среди предоставленных ему трудов и знаний. И обязательно... обязательно прикоснется к особенным откровениям волшебства.

И чувства в том его не обманывали.

Он уже почти закончил подбирать тома, с которых стоило бы начать, когда краем глаза снова заметил крохотный фолиант. Он манил чарующе, непроглядной, загадочной темнотой. словно пустое место в книжных рядах, неразборчиво шептал, звал.

Сегодня Лео смотрел на него не впервые.

Разбушевавшийся свет лампы не мог прикоснуться к черному переплету, обходя его стороной. И маг отступил насторожено. Неоднозначные чувства одолели его...

– Эй, ты чего там застрял? Час уже копаешься! – крикнул из-за спины Бьерн. – За раз

всего не прочтешь. Тем более – в такой темени. Вылезай уже. Вышьем!

И Лео ушел, подумав, что обязательно посмотрит фолиант позже. Не сейчас.

Один за другим понеслись дни. И к знаниям страсть утянула юного мага. Фанатично вчитываясь и внимательно изучая, он закалял свой ум, ковал и точил его, как и подобает подмастерью кузнеца. Ненасытно и кропотливо он нависал над книгами и искал, запоминал, уяснял. Хоть и учился он заговаривать и наделять чародейным качеством клинок и доспех, но и на этом пути находил немало общего с прочим колдовством. Потому и заболел своим новым учением сильнее прежнего.

Но पहले всего он хотел стать полезным Бьерну.

А когда маг уставал, то не терял времени даром. И много гулял, слушая лес, и думал о том, как бы поскорее освоиться ему в ремесле.

Он поднимался с самым рассветом, скромно ел и отправлялся к лесу, где свежесть утра и благородный запах душистой хвои будили его ласково. И в моменты эти вспоминал старших волшебников – выпускников академии, – что навещали её порой. Иные из них рассказывали о том, как важно знать своё тело, и как крепость его благотворно влияет на умение взывать к сокрытой в нём силе. К магии.

Потоки Небесного Сердца, что сочатся и в жилах, и в венах, рожденных волшебниками, послушней, когда чародей в ладах со своим естеством. Когда знает каждый свой мускул и умеет его ощущать. И сейчас, когда Лео был предоставлен самому себе, он наконец-то мог выбирать, к чему бы стоило прислушаться, а к чему – нет. И отчего-то наставления те казались ему теперь полезными и правдивыми.

И добровольно он вызывался помгать Бьерну, чем только может. И искал лишний повод потаскать тяжести. Будь то ящик со склада или партия свежей стали.

А кузнец и не был против. Забавляясь, наблюдал он, как корячится маг и пыхтит, тягая могучее железо. Но с каждым разом оно становилось всё легче и всё податливей. А через месяц-другой Лео как будто бы даже немного набрал в плечах.

Мощь Сердца Магии сокрыта внутри всех живых. Так говорили старые колдуны. Кто-то способен ей управлять, другим же этого не дано. Но сколько бы прославленных воинов, что занимались собой всю жизнь, не пытались освоить магию, ни у одного так и не вышло. Хоть и умели они обращаться с телом так, что всякий колдун бы позавидовал, всё же, чего-то им не хватало.

С другой стороны, и самые занудные, дотошные волшебники не имели силы абсолютной. Не каждый из них способен был поразить волшебством волевого бойца. А те из солдат, кого магией закаляли с детства, нередко могли одолеть в сражении и искусенного колдуна. Сила и крепость их духа не подпускали к ним ни проклятий, ни ворожбы. А уж если сказать о рыцарях... так тех и чихнуть не заставишь, сколько чары не плети. Посмеются и нададут по шее, а того глядишь, и прибьют насовсем.

И ещё больше загадок от того возникало. И вечно спорили друг с другом колдуны и бойцы. Одни говорили, что Сердце Магии доверяет, и позволяет им творить магию от его имени и этим гордились. Вторые, хвастались, что их оно охраняет и бережёт. И что способны они творить историю, мечем и щитом, и за это Небесному Сердцу благодарны.

Но ни к какой конечной истине никто из них подобраться так и не смог.

Совсем юна ещё была цивилизация человеческая. И знания её, в особенности о магии, были ничтожно малы. И всё сильнее Лео в том убеждался. Добравшись до признанных по

всему Мировому Кругу трудов, едва ли он впечатлился. Казались они ему поверхностными и смехотворными, не смог найти он в них глубинной сути. Но что-то вечно вертелось на уме, совсем рядом. Ответ на вопрос, что терзал его от рождения. Недостигаемый и ещё не раскрытый. И чудилось магу, что вот-вот он уже до него доберётся. Но этого пока не случилось.

Забравшись как-то поглубже в лес в раздумьях, Леонард заприметил меж кучных деревьев брезжащий просвет и пошёл к нему ублажить любопытство. Там, за чередой величавых стволов пряталась от взглядов людей светлая поляна. Укромная и уютная. На краю её рос могучий кедр. Старый, молчаливый. А корни его поднимались над землей и плели замысловатый узор.

И полюбился он магу с самого первого взгляда. И он познакомился с ним, точно с живым.

Расселся на мшистых корнях Леонард, как на лесном троне. И придумал тогда, что отныне он будет учиться здесь. В тени размашистых хвойных лапищ, среди благодати и торжественной тишины. И улыбнулся тому, как же здорово сложилась жизнь. И так задремал, убаюканный мягким, певучим ветром.

## Глава 4. Подмастерье

*Потоки энергии Сердца Магии протекают внутри каждого живого существа, но обычному смерду совсем невдомек, насколько широка, обширна и разнообразна может быть эта сила. Крестьяне и челядь совсем не отличают волшебников друг от друга. Колдует, значит, человек, так надо его остерегаться и быть покорным не менее, чем перед любой другой знатной особой. Мир для них, простых смертных, так прост и понятен. И лишнего в нем совсем не присутствует.*

*На самом же деле маги отличаются друг от друга настолько значительно, что и рассказать об этом в двух словах никак не получится.*

*Не всем волшебникам суждено постичь самое сложное и выдающееся колдовство, далеко не всем. Добрая половина из них может лишь мечтать о том, чтоб в один прекрасный день, приближаясь к своей старости, наконец-то научиться хотя бы мимолетно контролировать ту или иную стихию. Например, ухватить кусочек огня от разведенного кем-то другим костра и продержат его в руках пару минут, не опалив при этом рукава своих вычурных одеяний. Или же, прогуливаясь под дождем, не промокнуть, направляя потоки падающей воды в какое-нибудь другое место. Чего же говорить о сотворении или материализации любой из субстанций, то такое дело может оказаться непостижимым до самого конца жизни для многих и многих колдунов, занимающихся волшебством крайне много и с должным упорством. Так устроена жизнь и ничего с этим не поделать.*

*Зато в мире есть немало других колдовских наук, где тот или иной неудачник-маг может вполне себе преуспеть. Чары, алхимия, заговоры, перенос разума и выход из тела, ворожба, ведовство, – чего только мир не предлагает для страждущих прикоснуться к волшебству и обладающих кое-какими задатками для этого. Найдется всё. Тем более, что существует несметное количество минералов и алхимических зелий, способных пробудить или усилить магические способности в любом из простолюдинов или слабых волшебников, какими многие из них не чураются пользоваться, не смотря на губительные для их неподготовленного тела последствия.*

*Колдовать можно по-разному и на сегодняшний день в волшебном сообществе возникло несколько классификаций магов по их способностям, уровню сил и методам производимого ими колдовства.*

*Самый простой, но действенный способ колдовать – Обряд. Метод этот основывается на усилении и концентрации необходимых потоков Небесного Сердца при помощи дополнительных инструментов или ингредиентов. Нередко для максимальной эффективности Обряда желательно исполнять его в определенное время суток. Тогда, безошибочно соблюдая рецепт, иногда проговаривая нужные заклинания, можно достичь желаемых или предполагаемых результатов, даже не обладая выдающейся магической силой.*

*В это сложно поверить, но некоторые Обряды могут легко быть исполнены и самими ушлыми смердами, если те потрудятся сделать всё правильно и последовательно. Однако, такие действия совсем не практикуются ими. Будучи с детства уверенными в том, что магия опасна и неподконтрольна для них, а ещё, с большой вероятностью сыграет с ними злую шутку, нежели окажет положительное воздействие в решении их дурацких вопросов,*



они её сторонятся.

Посему, простолюдины давно привыкли без лишней изобретательности нанимать компетентных волшебников для того, чтоб отогнать назойливых грызунов от амбара на сезон-другой, нежели разок попытаться сделать это самостоятельно, выяснив необходимые составляющие для такого плевого дельца. Согласно этой устоявшейся модели, живет и действует мир, а смышленные и предприимчивые маги, желая наживаться стабильно, колдуют не слишком уж пылко и на века, дабы их услуги непременно потребовались бы в последующие сезоны и годы.

Обряды могут быть разными. Некоторые всего лишь для того, чтоб отгонять крыс от запасов зерна, иные же – навести неизлечимый мор на целую деревню или небольшой город.

Что же касается более искусных творцов чар, то тут дела идут куда разнообразней и интересней. Кто-то может сбить человека с ног одним лишь взглядом, другим же для этого потребуются провести целое выступление. Редкий волшебник способен колдовать, не прикладывая для этого никаких усилий, безмолвно и без лишних движений. Поскольку основная суть магии заключается в том, чтоб колдун посредством движений, проговариванием заклинаний, принимая ту или иную позу, начертив те или иные письмена, активизировал потоки Сердца Магии и направил их на достижение необходимого ему результата. Все это так непросто и муторно... Отчего и постичь искусство магии дано далеко не каждому. А стать магом многогранным и всемогущим... пока что из ныне живущих никто не мог и не может себе такое позволить.

*“Вводный курс магии”. Школа Небесной Песни. 398 год.*

Зима пришла быстро. Он встретил её на излюбленной им поляне. Робкие снежинки спускались с неба и на сухой траве, у самой земли, не успевшей ещё остынуть, обращались спелыми каплями. Тогда же Леонард понял, что трудится уже не меньше двух месяцев, хоть и казалось ему, что минула лишь пара недель. Так уж он был увлечен, что совсем потерял счёт времени. И теперь, осознав, что больше не тянется оно мучительной скукой, маг подвинулся тому, какой же занимательной может быть жизнь.

Тело его окрепло, а ум оживился. Но до сих пор он так и не смог свершить ни один внятный заговор над учебным, тупым мечом, который кузнец предоставил ему для практик.

С ним маг теперь проводил всё своё время. И не только, как чародей.

Бьерн настоял, чтоб подмастерье его обучился фехтованию, и соблюдая принятую им роль, самолично занимался с молодым учеником. Кузнец владел клинком так, что и бывалые солдаты порой засматривались. Он знал о них всё и не только ковал, но и рубил, и рассекал мастерски.

Каждое утро Лео начиналось теперь с упражнений. И одной и второй рукой поочередно он привыкал к весу не заточенного палаша, что приглянулся ему среди прочих оружий. Отрабатывал выпады, колотил манекен из соломы, учился правильно стоять и наступать. Всяко наставлял его Бьерн, но с этим Лео справлялся неважно. В роду его войны водились едва ли. И в том он с каждым новым уроком сомневался всё меньше.

Но молодому магу занятия были по душе, хоть и давались отвратительно плохо. Таков был стержень его натуры. Он не любил и не хотел отступать, и какие попало танцы с клинками не были исключением. Он загорелся и увлекся так, что не думал больше ни о чем кроме ремесленного колдовства и искусстве сражения. И Бьерн за это его уважал, хоть и не

говорил о том вслух.

Перед обедом и ужином каждый день разминались. И кузнец делился с ним редкими тайнами, что пригодятся в бою. Его отцы и деды рассказывали их лишь в семейном кругу, передавая от поколения к поколению. Но Бьерн не стеснялся поведать их Лео. И порой ему самому не нравилось, как же быстро успел привязаться он к мальчишке.

Сегодня был день учебного боя. Особенный, первый. Кузнец решил посмотреть, как подопечный его сориентируется в сражении, близком к реальному. Провести небольшой экзамен и оценить, с каким толком проходят его уроки.

Леонард вернулся с поляны раньше, как они и условились. Весь трепетал в предвкушении нештучной битвы молодой маг.

Кузнец уже ждал его и был совсем почти трезв.

– Доставая свою железяку, – скомандовал Бьерн без лишних приветствий. – Покажи, чего можешь.

– Не моргайте, учитель! – улыбнулся Лео и пафосно крутанул учебным клинком. – Кое-чего я точно успел перенять.

– Не вздумай только ныть, – предупредил кузнец. – Сегодня я тебя жалеть не намерен.

– Да будет... – не успел Лео договорить, как засвистели размашистые удары. От первого он увернулся, а вторым ему выбило меч из рук.

– А ну-ка заткнись, и держись за меч крепче, – остановился Бьерн и густо сплюнул через плечо. – Продолжаем.

Не успел Леонард поднять клинок, как резкими махами стал наступать кузнец. Маг отпрыгнул, несуразно, неряшливо, но под удар не попался. А затем он в ответ совершил глупый, опрометчивый выпад, в попытке дотянуться до живота Бьерна. Тот ловко увернулся и, оказавшись у Лео за спиной, сильно пнул его по заднице тяжелым сапогом.

Маг чудом устоял на ногах и со сдержанным возгласом схватился за ушибленное место.

– Ты дурачиться собрался или как? – недовольно крикнул Бьерн. – Соплём бы в меня ещё кинул. Слюнтяй!

Всё же кузнец чутка остепенился и сбавил напор. Демонстративно, как будто заранее предупредив, он нанес плавный рубящий удар сверху. Лео, терзаемый болью, яростно отмахнулся. Тупые лезвия брякнули и разошлись.

– Ты чего дергаешься, как девка? – подстрекал кузнец. – Ну-ка собрался. Расслабился. Башкой соображай. Начали!

Лео кивнул, собрав плечи.

От следующего шадящего выпада Бьерна он решил увернуться, совершив дурацкий пируэт.

– Ты что потанцевать сюда пришел? Позорище! – ворчал Бьерн. – Никогда, слышишь, никогда не поворачивайся к противнику спиной, пока не стал достойным мечником. Прекращай дурачиться.

Но Лео не дурачился. Он волновался. И поспевал за учителем с трудом.

Описав полукруг, они прошли друг против друга. Лео смахнул с намокшего лба упавшие волосы. Бьерн всё не нападал.

И тогда Лео с дуру ринулся в наступление. Он неумело направил клинок к ногам учителя и был уверен, что заденет его непременно. Но Бьерн лишь издевательски наступил на палаш, запущенный по совершенно неприемлемой траектории, и когда мага пригнуло к земле, шлепнул того учебным лезвием по шее плашмя, как палкой.

Лео завыл от боли.

– Я разве не предупредил, что сегодня буду бить? – помотал головой кузнец. – Может, закончим эту унылую возню? Ну его?

– Ну уж нет! – рассвирепел маг от боли. – Вот это попробуй!

По мечу, вдоль лезвия, он шаркнул рукой и схватился за него, как за посох. И странно зашипел.

*Лласс-Торо!*

И направил конец клинка в лицо Бьерна.

Резанул по глазам кузнеца до боли ослепительный свет. Сверкнул молнией и тут же погас.

– ПОГАНЕЦ! – заревел Бьерн, хватаясь за голову, в попытке укрыться от жалящей вспышки. Но было поздно. В висках загудело, глаза жмурились сами.

И тогда Леонард сильно вlepил ему по ребрам, под локоть, там, где они открылись.

Бьерн гаркнул. В этот раз ему хорошенько прилетело. А маг продолжил нападать с другой стороны.

Но кузнец услышал девчачий замах, распознал, и нашёл его своим мечом вслепую. Едва лишь лязгнули клинки, как Бьерн умело скользнул своим по лезвию оппонента и два счёта обезоружил его. А потом схватил за шкуру крепкой, что сталь, рукой и, встряхнув, как какую-то тряпку, шваркнул того об землю.

Лео нехило стукнулся. Сбилось дыхание от удара об натопанную почву. А кузнец наступил ему на грудь сапогом и давил так, что маг не смел и шелохнуться.

Бьерн открыл глаза.

– Оборзел что ли? – кузнец тут же утихомирился, как увидел, что со злости перестарался. С трудом мог дышать, отплевываясь, Лео. Скрипел зубами от сильной боли и дико рычал. – Что за?.. Фокусы ещё такие?

Кузнец убрал ногу и помог подмастерью подняться. Пока маг забористо кашлял, Бьерн виновато помог ему отряхнуться.

– Ты уж это... – пожал плечами кузнец. – Я просто не ожидал, знаешь...

– Пкх-пкх-показал на свою голову! – всё ещё задыхался Лео. – Пкх-пкх-похвастался...

– Чего показал-то? – туповато топтался Бьерн. – Не договаривались мы о таком...

– Чары это. Чего, – Лео недовольно взглянул на Бьерна. – Те самые. Смог провести магию через сторонний предмет. Понятно?

– Ловко ты это... что сообразил. Хорошо, что думаешь на ходу. – Одобрил он, но добавил. – Но дерешься все равно неважнецки. Никуда не годится.

Лео насупился и ничего не ответил

– Да ладно тебе, – извинялся Бьерн. – Признаю, погорячился. Это было неправильно.

– Да уж! Меня так в жизни не колотили. – выдохну Лео, успокоившись. – Но придёт день, и я вам тоже хорошенько поддам. Вот увидите... мастер.

– Что мне в тебе нравится, так это твоё упорство, парень! – обрадовался кузнец, желая поскорее сгладить горечь случившегося недоразумения. – Вот так и надо! Не сдашься и скоро уже перестанешь драться, как барышня.

– Да уж. Спасибо...

– Больно тебе. Отставить сердиться! – кузнец подобрал с земли палаш Лео. – Пойдем обедать. Выпить хочется.

Ещё теплый ломоть свежего хлеба, доставленного посыльным пекаря незадолго до боя,

кусочек сыра и горячая, сочащаяся баранина, запеченная на углях, вернули Лео добрый нрав. А пара кружек крепкого ржаного пива, залитых вдогонку, помогли легче справиться с болью. Кузнец чавкал громко, жадно набивая брюхо едой, и попутно запивая её внушительными порциями хмельного.

Ели молча, пока Бьерн не поддал, как следует. Тогда ему страсть как захотелось поболтать, и он стал настырно тянуть к Лео кружку, чтоб стукнуться с ним перед тем, как выпить. Сначала нехотя, а потом и с разыгравшимся удовольствием, маг поддерживал этот древний ритуал. И назойливая обида на мастера быстро прошла.

– Опять в свой лес погрёшься? – разбрызгивая бараний сок во все стороны спросил кузнец с набитым ртом. – Ты отрываешься от своих книжек иногда. Мечом помахать.

– Так и делаю, когда голова устает, – заверил Лео. – Здорово бодрит.

– Одобряю! – Бьерн снова сунул полупустую кружку подмастерью. – Будем! Заслужил сегодня. Пей давай!

После обеда застолье не прекратилось. Бочонок крепленого пива, венчающий край стола, был ещё полон. Учитель и ученик, – оба решили добить его, попутно обсудив дела.

– А как тут с минералами? – спросил вдруг Лео. – Найдется парочка? Мне для дела?

– Шутишь, да? – помотал головой кузнец. – Ты сколько ящиков с ними уже перетаскал? Найдется, конечно.

Лео скорчил дурацкую гримасу.

– Добрался, наконец, ага? – продолжил беседу Бьерн. – А я уж думал, чего это ты не спрашиваешь.

– Да всё как-то копался в теории, – пожал плечами маг. – Везде говорят, что без них никак.

– Об этом даже я понимаю, – ответил кузнец. – Мне всякий заказ с ними просят. Лорды, герцог. Их рыцарям и солдатикам особенное подавай. С минералами.

– А это как вообще? – спросил маг. – В моих книжках о ковке мало упоминают.

– Ну, я обычно перетираю их в порошок, а потом и в сплав добавляю. Так ещё меня дед учил. Хитрое дело, – стал делиться кузнец. – Перегреешь чуть и уже никуда не годятся. Некоторые. Другие лучше жар переносят. – Он отхлебнул пива. – Можно и в эфес камень вставить, можно и в клинок. Но морока это. Только для церемоний такое годится, а в сражении точно вывалится рано или поздно. А вот со сплавом надежнее. На века.

– Интересно, – запомнил Лео.

– А вот на кой им такая сталь, ума не приложу, – кузнец обтер выросшие усы грязным рукавом. – Полагаю, об этом ты теперь знаешь.

– Знаю! – Лео нетерпеливо завелся, желая похвастать тем, что удалось ему выяснить. – Минералы – один из незаменимых ингредиентов для заговоренных или зачарованных изделий. Будь то клинок, латы, да что угодно. – Он поддержал Бьерна в выпивке. – Очевидно, железо и сталь сами по себе не могут удерживать магию долго. А вот, если в них есть минерал... это совсем меняет дело.

– Так?..

– Я уже пробовал кое-чего с моим обычным клинком, но всё в пустую, – честно рассказал Лео. – Но, если бы ты смог одолжить мне другой... Пусть это будет просто кусок железа. Не обязательно из него ковать меч.

– Хотел свой палаш заговорить что ли? – гоготнул Бьерн. – Я ж тебе его для других упражнений дал, а ты!.. Надо признать, честолюбию твоему нет предела!

– Да мне просто было интересно, – махнул рукой маг. – В любом случае, эксперимент даром не прошёл. Зато я тебе вон, в глаз вlepил сегодня.

– Подлец, – улыбнулся мастер и снова предложил выпить. – Больше так не делай. До сих пор калган гудит.

– Так как на счёт болванки? С минералом?

– Пойдем-ка, – встал из-за стола кузнец. – Наливай нам, и топай за мной.

По коридору вернулись в кузницу. Там Бьерн принялся ворошить ящики и небрежно раскидывать железо. Недолго провозился он, а когда закончил, развернулся и протянул Леонарду неотесанную заготовку меча. Ничем не примечательную.

– Вот. Оно это! – объявил кузнец. – Тут есть какой-то...

Он передал заготовку Лео и снова стал рыскать среди материалов.

Маг внимательно осматривал, ощупывал и обнюхивал болванку в это время.

– Ага, нашёл, – из ящика Бьерн достал бледно-синий, полупрозрачный камень с неровными гранями. – Вот этот я туда добавил. Как же его...

– Круцениум! – выпалил Лео. – Или коруцен, верно? Произрастает близко к поверхности, но ценится высоко за свои особенные свойства. Свет и тепло. Магией можно вызвать в нём реакцию, от которой он здорово нагревается и сияет так, что и десять алхимических ламп не справятся. Отлично!

– Верно. Так и есть, – кивнул Бьерн. – Чем он от других отличается не знаю, а вот название помню. Точно оно.

– Я встречал о них много упоминаний в книгах, – не успокаивался Лео. – Начать заговаривать оружие с ним – то, что нужно. Идеальный выбор.

– Это хорошо, – залился довольной улыбкой кузнец. – Ишь, как я угадал!

– Ну, тогда я пойду. Ладно? – не на шутку Лео воодушевился.

– Давай, давай, – одобрил кузнец. – Не покалечься там. Чародей.

И Лео выбежал вон из кузницы, но опять вернулся, позабыв свой ранец с книгами. Над головой он размахивал бесформенной заготовкой и что-то вдохновенно бубнил себе под нос.

Оставив в кузнице учебный палаш, он понёсся на свою поляну вприпрыжку, точно ребенок, которому вручили долгожданный презент. А Бьерн, улыбаясь, смотрел ему вслед и всё прихлебывал с пивной кружки.

Через недели три, когда снег закутал уже большую часть Мирового Круга, Леонард вприпрыжку бежал к кузнице. В руках у него тускло светилась заготовка, непреступная больше для темноты надвигающегося вечера.

Он спешил, спотыкаясь и падая в сугроб, разгоряченный и беспокойный, желая похвастать скорее перед мастером случившимся успехом.

Взбудораженный, маг ворвался в кузницу и от жара её пышущих горнов голова пошла кругом. Бьерн не заметил его. Работая звонко и остервенело, колошматил он молотом по прижатой к наковальне раскаленной болванке.

– Сюда, скорее! – крикнул Лео, запыхавшись. – Бьерн!

– Ты со своими книжками совсем тронулся?! – дернулся от неожиданности кузнец. – Чего там у тебя?

Бьерн бросил горячий клинок в корыто с водой и тот зашипел.

– Выходи! – Лео поманил его взмахом. – На улице!..

– Укусил тебя кто-то что ли? – фыркнул кузнец и проследовал.

Лео, егозя, ждал его снаружи.

– Чем обязан такой радости? – поморщился от летящих в лицо снежинок Бьерн, накидывая на плечи медвежью шкуру.

– Вот. Держи! – маг церимониально вручил ему едва сияющую заготовку. – Мои первые чары!

– И чего? – недоверчиво щурился кузнец. – Холодная. Как фонарь не годится...

– Ла-мора! – маг хлопал глазами и со всей силы походил на дурачка.

– Ты у меня вина упер что ли, а? – грозно спросил кузнец.

– Да нет же! Скажи. Вслух! Ла-мора! – тараторил Лео. – Ты не волшебник, и если сработает...

*Ла-мора!*

Бьерн провозгласил громко. Не представлял он, что отдал магический приказ. А вслед за тем засиял в руке необработанный клинок цветом дневного неба и разогнал мрак прочь.

– Недурно, – одобрил кузнец.

– К снегу поднеси, – руководил Лео.

Бьерн махнул над сугробом дважды и снег расступился.

– Совсем недурно! – заключил он.

– Вот именно! – егозил Лео. – В книгах сказано, что при помочи таких мечей легко сделать себе ночлег в глубоком сугробе. Даже представлены технологии. – Рассказывал маг, презентуя работу. – Сначала нагло топишь углубление. Вроде маленькой пещеры. Укрепляешь потолок, отводя меч подальше, чтоб тот заледенел. А после устанавливаешь клинок по центру такой берлоги, и он будет греть до самого утра. А ещё, он никогда не примерзает к ножнам. Понимаешь?

– Что может быть лучше для северных солдат? – восхитился Бьерн и стал ребячиться, разгоняя сугробы от кузницы. – Чур! Прочь! Можно и двор расчистить. Благодарь!

Лео радовался, что Бьерн по достоинству оценил его работу.

– И долго он так может? – узнал кузнец.

– Не знаю. Сейчас и проверим, – пожал плечами маг. – Но днём его можно опять напитать светом Небесного Сердца. И минерал внутри будет работать, как новый. – Он бегал за дурачащимся, как избалованный отрок, кузнецом. – Пишут, что изделия из самых хороших камней могут прослужить больше года. Если использовать его каждый день. Но после... увы, камень потеряет свою силу.

– Достойно! – крикнул довольный кузнец. – Ты молодец, маг!

– Да? Ты правда так считаешь? – не верил своим ушам Лео, услышав похвалу от Бьерна впервые.

– А то! Видел, чтоб я трепался в пустую?

И Лео засиял под стать зачарованной им заготовке.

Они ещё помолчали, заглядываясь клинком, а потом Лео стал хитро закидывать удочку:

– У нас ведь осталась ещё целая бочка Рубиновой Лозы, правда? Слышал, у вас принято отмечать успех именно так?

– Ах, ты ж паршивец! – прогремел Бьерн. – Я определенно не против откупорить её прямо сейчас! – Он помедлил, заходя обратно в кузницу и крикнул куда-то в темное небо. – Папаня! Ты там хоть смотришь, куда я веду семейное дельце?

– Как вы говорите его зовут? – кисло переспросил герцог Морггарда своего советника.

– Леонард, ваша светлость, – вежливо ответил престарелый маг в алой мантии с позолоченной вышивкой.

– И почему я узнаю об этом только теперь, любезный Мортимер? – недовольный, правитель манерно откинул седеющий локон со лба. – Сколько, вы говорите, за ним уже наблюдаете?

– Скоро будет как восемь месяцев, милорд. Он прибыл незадолго до второй зимы, – признался советник. – Я не счел нужным беспокоить его светлость. Это вопросы магов. Тем более, что...

– Что же, Мортимер? Что?! – несдержанно выпалил герцог. – Не сочли нужным? Должно быть, вы издеваетесь?..

– Изгнанник не совершал никаких противопоставленных ему действий, – оправдывался придворный колдун. – Зачем вам забивать голову такой ерундой? Для этого существует Трибунал...

– Предположим, но... – герцог Мордагрский стал напыщенно прогуливаться по залу для аудиенций. – В моё владение пребывает изгнанник Школы Рассветной Росы. – Он повернулся к советнику и укоризненно посмотрел на него. – Изгнанник, согласно вашим сведениям, опасный, лишь чудом не высланный напрямик в Дом Скорби. Верно?

– Верно, мой господин...

– И славился в школе он тем, что нередко магия рвалась из него бесконтрольно, самопроизвольно! И в такие моменты могла даже нанести урон окружающим! – как неумелый дирижёр, он помотал перед собой руками. – А ещё, как оказалось, его подозревали в изучении Черного Слова... Мне продолжать, любезный Мортимер?

– Не стоит, – советник будто бы огрызнулся.

– Так почему же вы всё-таки не удосужились хотя бы намекнуть? – разгневался герцог. – И почему я узнаю об этом не от моего первого советника.

Придворный маг исподлобья глядел на правителя.

– Неважно! – отрезал герцог и словно бы в миг забыл о негодовании. – В любом случае, сообщите достопочтенному Бьерну Искуснику, что я с удовольствием прибуду к нему завтра к утру на демонстрацию его... их новой совместной с его подмастерьем-магом работы. – Правитель мечтательно посмотрел в высокий потолок. – Звучит крайне занятно.

– Я отправлю гонца, – сказал советник и покинул зал.

Он преодолел несколько коротких лестниц и, встретив служку в вестибюле дворца, распорядился о приказе герцога. Совсем юный, невысокий даже для своих лет мальчишка стремглав бросился передать его слова в должные уши.

Маг зашаркал туфлями проворней и покинул замок.

Не оборачиваясь, дабы не привлекать излишних взглядов, он прошагал на своих двоих по великолепной белой алее, совсем не обращая внимания на прелесть соцветий и торжественную красоту аккуратно выстриженных кустов. Оказавшись за воротами, он надменно проигнорировал чествующие его приветствия стражников и скрылся где-то в бескрайней толпе снующих повсюду горожан.

Проворно он юркнул в безлюдную подворотню и, удостоверившись, что никто за ним не наблюдает, тремя пальцами провёл по яркой своей мантии от шеи к поясу, что-то шепнув. Одевание съезжилось и потускнело, стало серым и невзрачным, сливаясь с гнетущими красками города. Теперь он был похож на проходимца в старом, истрепанном балахоне.

Пройдя половину Мордаграда, маг вынырнул на безлюдную улицу и прошмыгнул в

убогий, гнивающий кабак, столь неудачно разместившийся здесь. Внутри, не удосужившись даже окинуть взглядом питейную, он тихонько пробрался в самый темный угол заведения и уселся за стол, край которого исчезал в непроглядной тени.

– Докладывайте, – тихо произнес грозный голос из темноты.

Маг дернулся и сердце его съежилось.

– Субъект до сих пор не нарушил установленных правил, – отвечал шёпотом Мортимер.

– Это я уже слышал.

– Завтра герцог Мордаграда отправится познакомиться с ним лично. И с его работой в роли подмастерья Великой Кузницы.

– Вы должны быть там, – претенциозно повелел голос из тени. – И сделать так, чтоб он... не сдержался. Вы понимаете?

– Ещё бы! – маг шмыгнул носом. – Если мальчишка покажет что-то действительно выдающееся, мы с моими коллегами потеряем хороший доход от этой работёнки. Поверьте, теперь у меня появились и личные интересы в вашем дельце...

– Ваши личные интересы меня не беспокоят! – разгневался незнакомец. – Вы давно уже должны были уличить его в запретном колдовстве и покончить с этим. Сколько вы ещё собираетесь мямлить передо мной?!

– Мы делаем всё, что в наших силах, – склонил голову до самого стола Мортимер. – Господин...

– Не упустите свой шанс. Иначе лишитесь не только своего дохода! – капюшон его едва показался из тени. – Вы меня услышали?

– Непременно, – пообещал маг. – Завтра дело сдвинется с места. Даю слово.

– Хорошо. А теперь – убирайся!

Этим утром Леонард проснулся раньше привычного и забегал по кузнице, словно его шарахнуло молнией. Через каких-то несколько часов к ним с Бьерном придёт сам герцог Мордаграда в сопровождении своих лучших боевых магов. И они испытают на прочность заговор, свершённый Лео над щитом из мудреных стальных сплавов.

В работе своей чародей сомневался, хоть предшествующие шесть месяцев только и делал, что усердно корпел над ней. Оттачивал заклинания, выверял их последовательность, донимал Бьерна тысячами вопросов о минералах. Но срок казался ему совсем ничтожным для сотворения чего-то поистине выдающегося. И теперь он его зил, предвкушая, как искусники разрушительных заклятий – brave выходцы из академии – разнесут его нелегкий труд одним словом, или вообще, едва на него чихнув.

С тех пор, как удались первые чары Лео, минула вторая зима и второе лето, и мир вновь пребывал в середине переходного цикла. Молодой маг и не заметил, как пролетело время. До сего дня он почти не позволял себе отдыхать, одержимо изучая, занимаясь и заклиная. Беспрестанно трудился он, нередко жертвуя лишними часами сна, а иногда и упражнений с клинком.

И вот, когда не осталось больше неисполненных обрядов, когда промолвил он над щитом сотню магических слов, когда по всем расчётам Лео сталь пропиталась чарами достаточно, он никак не мог самостоятельно оценить свой труд. День за днём ломал маг над тем голову, пока вдруг Бьерн не додумался обратиться к своему давнему покупателю и, по совместительству, приятелю – герцогу Мордагдскому, – чтоб тот повелел подчиненным ему боевым заклинателям испытать их совместное творение сокрушительным колдовством.



Близился назначенный час, и сердце выплясывало в рваных, тревожных ритмах.

– Ну ты чего разошёлся? – недовольно буркнул разбуженный мастер. – Это ж надо в такую рань греметь!

– Прости, – виновато кинул Лео, собирая разбитый кувшин с пола. – Не могу я. А если...

– Если, не если!.. – ворчал Бьерн.

– Но это ведь сам герцог! А вдруг я провалюсь? Получится, что он потратит своё время в пустую...

– Ой! Да у него этого времени, как вшей у дворовой суки! – махнул рукой кузнец. – У нас с ними и без тебя, своих дел полно. Всё равно явился бы скоро.

– Но это ты у нас великий, прославленный мастер. А для меня такое впервые...

– Понимаю, – потянулся Бьерн. – Помню, когда папаня проверял мои первые труды, меня тоже нехило колошматило. – Кузнец звонко почесал щетину. – Тогда я, конечно, знатно обделался... – Он быстро смекнул, что зря сказал это, и тут же добавил. – Но это я совсем ещё зеленый был. И не пыхтел над работой, как ты. Тут другое дело.

– Вот-вот. А я не хочу обделаться. Только не с этим, – вертел головой маг. – Мы ведь не можем звать герцога каждый раз, как я оплошаю.

– Ты нет, а я могу, – хвастливо хохотнул Бьерн. – Сейчас приедет, расскажем ему о твоих обстоятельствах, да договоримся. Чтоб ежели чего, он к нам одного-другого своего колдуна отправлял потом... для испытаний. Делов то!..

Слова эти несколько не ободрили. Лео не был готов к поражению. Уж больно много сил и души он вложил в это дело. И, с одной стороны, в работе своей вроде бы был уверен, но в то же время был не уверен в ней совершенно.

Завтрак маг пропустил: кусок не лез в горло. А вот Бьерн с удовольствием уплел половину чугунка тщательно вываренного пшена и без лишних отлагательств залил его свежим пивом вдогонку.

Мучительным ожиданием тянулись часы долгожданной встречи. Лео был совсем плох. Бледно-зеленый, шевелил он губами и что-то без умолку бухтел себе под нос.

– И выпить не хочешь? – подивился Бьерн, разбираясь с очередной кружкой. – Ни капельки даже?

– Нет, – однозначно отрезал маг. – Не хочу.

– Возьми-ка ты меч в руки и марш на улицу! – громыхнул кузнец. – Сил моих больше на это смотреть нет. Давай, давай. Не смей ерепениться!

– Но я не...

– А я и не спрашиваю, – не унимался кузнец. – Мастер сказал, надо выполнять!

Негодую, Лео нахмурился, но субординацию решил соблюсти. Схватил он с наковальни учебный свой палаш и нехотя вышел под ласковый утренний свет Небесного Сердца.

Плавными, размеренными взмахами стал он выписывать в воздухе спирали концом клинка. Крутил и перекидывал из одной руки в другую, то перед собой, то за спиной. А потом, когда приноровился, перестал следить за ходом лезвия и позволил ненужным мыслям отринуть. И закрыл глаза, стараясь чувствовать, как учил Бьерн. Выходило довольно сносно.

О волнении он быстро позабыл, концентрируя тело на упражнениях. Шагнул в сторону, присел, сделал выпад. Отступил, махнул, развернулся. Грацией маг не блистал, но напористые движения были совсем не теми, что раньше.

– Любо-дорого смотреть! – ёрничал Бьерн, чтоб сбить с толку. – Встретил тут недавно такую бойку бездомную девчушку. Совсем как ты крутилась, когда удирала от стражи.

Представляешь?

Маг не слушал. Он успел привыкнуть к излюбленным, каверзным провокациям мастера. Раньше казались они ему кусачими и колючими, но со временем Лео осмыслил их суть. Дух и разум его сделались стойкими, не преступными больше для мимолетных смятений. И за это он Бьерну был благодарен. Кузнец стал ему и другом, и отцом, и страшим братом. И наставничеством своим, точно калёным железом, укрепил характер мага.

Довольный, наблюдал Бьерн за продвижением подмастерья в ратных делах, но говорить об этом даже не думал. Только подшучивал и кривлялся, в душе улыбаясь тому, что впредь издевки его не властны над учеником.

Полностью ушёл в себя маг, вслушиваясь, как задорно насвистывает рассекаемый лезвием воздух. С половину часа провел он так, словно бы погрузившись в глубокую медитацию. Сердце забилося ровнее, жадно задышалось; тонкие, редкие мышцы проступили из-под кожи предплечий; с клинком стал он единым целым. Как вдруг!..

Рука дрогнула, будто бы ошпарило её кипятком, и выскользнул из ладони палаш, когда Лео услышал резвый стук приближающихся копыт.

Пышная, бравадистая процессия ехала к кузнице по дороге от города. Резвились огнями Небесного Сердца до блеска начищенные латы конных всадников – рыцарей, сопровождающих герцога Мордагрдского. Под их надзором лихо катилась, вздымая клубы пыли, великолепная карета, вычурно отделанная резьбой и позолотой.

Сомнений быть не могло – заветный час настал.

Выстроились, как на параде, войны, и остановили лошадей каждый на своём месте. Отпустив вожжи, прыгнул на землю возница в остроконечной шляпе с пышным пером, и вышагивая, как на показ, пафосно распахнул дверцу кареты.

Из экипажа вышел высокий мужчина средних лет. Темные его волосы с посеребренной сединой падали ему на плечи. Благолепный мундир и гордая стать выдавали в нём представителя рода знатной крови. Вслед за ним, поскрипывая и щурясь, из кареты лениво вывалился престарелый советник-маг.

– Ваше превосходительство, да кто ж это к нам пожаловал! – и не подумав переменить манер приветствовал Бьерн высокородного гостя. – Рад видеть, рад видеть!

Легко повел головой герцог, манерно щелкнул пальцами, и возница вытащил из кареты увесистый бочонок Рубиновой лозы и, приклонив колено, точно на церемонии, вручил его Бьерну.

– Право, чем я обязан такой чести? – улыбнулся кузнец во все зубы.

– Здравствуй, здравствуй, Великий Мастер! – любезно приветствовал герцог. – То лишь добрый жест старого друга. Не более.

Бьерн принял презент и сразу же передал его на попечение притихшему Лео. А сам подошёл к одному из рыцарей.

– Вы позволите? – кузнец нагло стукнул его по нагруднику, попытался погнуть края, подергал за поножи. Тот даже не шелохнулся, глядя ровно перед собой сквозь решетчатое забрало.

Вдоволь налюбовавшись и всё хорошенько перепроверив, кузнец вернулся обратно.

– Прошу простить за бестактность, – наспех объяснился Бьерн. – Хотел только взглянуть, как поживают мои творения.

– Будь уверен, дорогой Бьерн Искусник, они так же великолепны, как и в первый день, когда я их увидел, – улыбался герцог. – А чем же сегодня намереваешься ты порадовать мои

глаза?

– Не то, чтоб наверняка порадовать, – пожал плечами Бьерн. – Нужно проверить работёнку моего подмастерья. – Он положил руку Лео на плечо. – Прошу любить и жаловать, Леонард...

– Наслышан, наслышан, – правитель подозрительно осмотрел юнца. – Тот, кого лишили права на... как же там говорилось... сложное колдовство, не так ли?

– Точно... – выпалил Леонард и помялся. – Так точно, ваша светлость! – Маг только понял, что не имеет ни малейшего понятия о правилах этикета в общении с высокопоставленными особами.

– Прискорбно. Но что ж поделать, – развел руками герцог. – Таковы законы, и покуда мы их блюдем, то не опустимся до уровня глупых зверей, или того хуже – мерзких северян. – Вполоборота он развернулся и, вытянув руку к экипажу, жестом подозвал кого-то. – Но чтоб избавить вас от трудностей, как и договаривались, я привел с собой двух самых удалых своих кудесников.

Выехали из-за кареты, приблизились и спешили двое всадников в кроваво-красных туниках. Только сейчас Лео заметил их. Вымуштрованным шагом, в ногу, они промаршировали к правителю и встали смиренно у него за спиной.

– Ох, минутку! – стукнул себя по лбу Бьерн и убежал в кузницу.

Спеша, он вернулся с крепко сколоченной деревянной треногой в одной руке, и неказистым, но увесистым щитом в другой.

– Вот, – сказал Бьерн, надежно установив и закрепив щит на подставке. – О внешних изысках, сами понимаете, я суетиться не стал. Покуда сегодня вы собираетесь его в дребезги разнести.

– Замечательно! – потер ладони герцог, предвкушая надвигающееся представление. – Прошу, не стесняйтесь, парни. Давайте начнем уже поскорее! – Магию он любил. А понаблюдать за её исполнением – всегда был для него маленький праздник.

Вышли вперед и встали против щита двое магов. Оба – выпускники Школы Рассветной Росы, успевшие уже побывать в кое-каких передрягах и после отслужить при дворе герцога года три. Лица суровые, гладко выбритые, как у вояк. Губы бесстрастные, глаза прячутся под капюшонами. Молодые, ровные и стройные мужи в самом расцвете магических сил. Бегло они оглядели щит и щелкнули костяшками пальцев.

Лео отрывисто задышал, покрепче вцепившись в бочонок.

И тут началось...

Артистично выступил вперед первый маг, прищелкнув каблуками сапог. Движением напористым, мощным, он выставил правую ногу вперед и потянулся к ней. Так маг замер, кривя напряженные пальцы.

А затем...

Всколыхнулся, как трава под внезапным шквалом, колдун и завораживающими движениями совершил шесть точных, молниеносных рывков, и произнес шесть громоподобных, рычащих слов, каждое в такт неподражаемым своим выпадам. Поразило восторгом и перехватило дух: воинственный, извивающийся танец приковал к себе взгляды всех, и даже рыцари не сдержались, чтоб не повернуть голов в его сторону.

Каждый мускул его наострился. Всем телом кидался маг вперед, вбок, и ещё раз вперед... Наступал, толкал, вскакивал и мимолетно застывал в невообразимых стойках между стремительными бросками. Но в мгновение оборвалась пляска мага, а после...

*Кальту-Авора-Кальту-Рренду-Кальту-Кхарр!*

Ничего не случилось. Только сильно закружил ветер и поднял на воздух опавшие хвою и листья вокруг щита. По рядам зрителей загуляли возгласы изумления. Советник герцога заскрежетал зубами.

– Я видел, как этот колдун разносит в пыль камни, – по секрету шепнул герцог Бьерну. – Твой паренёк весьма впечатляет.

Кузнец расплылся в улыбке. Лео, казалось, вот-вот грохнется в обморок.

Но не отступил боевой маг. И снова встал наизготовку, встряхнув руки. Если бы не капюшон, на лице его можно было бы разглядеть не дюжее удивление.

Ещё трижды пустился колдун в оборожительный танец, не прерываясь, и в каждый свой всплеск вкладывался неистово. Затаив дыхание, Лео алчно следил за ним. Обескураженный напористой быстротой боевого мага, он восхищался стремительным его натиском и бесподобными па. Он запоминал, уяснял, брал в пример, заглядываясь. И не верил, что человек способен двигаться так. Как не верил и в то, что щит продолжал стоять среди навешанных магией вихрей, даже не шелохнувшись.

– Хороша защита, – развернувшись к Лео, тяжело выдохнул боевой заклинатель и в почтении легко наклонил голову.

Тот лишь таращил глаза.

Но тут же следом вышел второй маг. Этот был худее и ниже. И движения его были другими. Плавными, аккуратными. Казалось, будто вращает колдун перед собой невидимый шар из тонкого стекла, осторожно касаясь его то ладонями, то костяшками пальцев, не смея давить сильнее. Трепетно, словно нежный любовник над хрупкой своей избранницей, гладил он по воздуху и несметно сыпал словами, нашептывая.

Ворожба его начиналась с плеч, а затем элегантными волнами спускалась по рукам, заканчиваясь на запястьях. Трудно было уследить и разгадать логику и закономерность этого телесного потока, разливающегося подобно спокойному луговому ручью. И чаровал он не меньше бойкого исполнения первого колдуна. А в конце...

Маг развел руками.

Но деревянная тренога лишь задрожала. Щит так и сидел на ней, точно влитой.

– Шарлатаны какие-то небось? – Бьерн зычно отрыгнул и подмигнул подмастерью. – Мой пацан полгода назад заговаривать научился. А вы...

Маги кинули косые, злобные взгляды в сторону кузнеца. Герцог расхохотался, влюбленный в эти крестьянские выходки великого мастера.

– Хватит! – сказал правитель, когда успокоился. Вероятно, самому себе. – Не сбивай моих чародеев с толку. Пускай ещё попробуют!

Отдышались и хорошенько потянулись заклинатели, и выступили вперед, к щиту. На сей раз вдвоём.

– Раз, два...

На третий счёт они пустились в танец вместе. Как единое целое, задвигались в общем ритме. Вскидывая и опуская руки, выпрыгивая вперед, пригибаясь и распрямляясь. словно бы репетировали это выступление всю свою жизнь, они плясали гармонично и слажено. И дух захватывало сильнее, чем когда колдуны зывали к магии поодиночке.

Слова заклятия они говорили по очереди. Один, другой, первый, второй. Всего их было сказано десять, и десять пируэтов было совершено им в такт. А после маги расправили спины и разом сомкнули ладони в громком хлопке. И щелкнуло до дребезга в ушах, а воздух

зажужжал, зазвенел, и будто бы стал совсем редким. И чаротворная молния возникла невесть откуда, и тяжело свалилась на щит, поразив его по самому центру.

Со свистом он отлетел, едва не выбив рыцаря из седла. От деревянной треноги остались лишь обугленные щепы.

– Вот это не дурно! – заорал Бьерн, как одуревший. – Вот это ребята выдали, так выдали!

Как шалопутный ребёнок побежал кузнец за щитом, а когда вернулся, бросил его на землю перед герцогом и Лео.

Все внимательно смотрели на щит.

– Потрескался сильно, но он всё ещё целый! – довольно заключил кузнец. – Не до конца разломали.

– Защита была достойно, но её больше нет, – надменно произнес первый маг, подойдя. – Теперь я разнесу его в два слова.

Он уже было принял свою боевую стойку, когда в дело неожиданно вмешался советник герцога. Старший колдун оттолкнул подопечного и процедил гнусно сквозь зубы:

– Не лезь! Я сам!

Остальные успели только разинуть рты, когда престарелый маг протянул вперед дрожащие, морщинистые руки и со зловредным оскалом судорожно скрючил пальцы. До красна раскалился щит и стал плавиться, растекаясь по земле. А руки советника забурлили, как кипящая густая похлебка, покрываясь пузырями и волдырями. И яростно он закричал, но останавливаться не смел.

– Что он творит! – опомнился Лео, выронив бочонок. Холодной лавиной нутро его обвалилось. – Прекратите! Остановитесь же! – Подмастерье бросился на него и сжал за запястья, с силой пытаясь отвести их в сторону.

Но старший маг упирался, гадко хрипел и скрежетал зубами от болезненных мук. Безумными глазами уставился он на Лео, и ненависть, какой пылали они, совсем не ясна была молодому подмастерью.

– Трибунал! – взвыл советник.

– Что происходит?! – от нестерпимого стыда герцог побелел. – Что ты вытворяешь, Мортимер?!

– Трибунал! – ревел в ответ старый колдун. – Его ждет Трибунал!

## Глава 5. Заключение

*Боевой Танец Мага или Пляска Стихий – искусство колдовать несомненно сложное и требующее немалых энергетических затрат. Иногда со стороны такой может показаться всего лишь безобразным кривлянием, но на самом деле суть его заключается в том, чтоб посредством тех или иных телодвижений, волшебник направил протекающие внутри него потоки Сердца Магии в необходимое ему русло, сконцентрировал их, а затем, с помощью заклинания или иных высвобождающих методов, материализовал или преобразовал в желаемый результат. Чаще всего резкие, рваные движения используются для призыва разрушающих сил, способных изменить структуру материи, либо для призыва и сотворения одной из стихий, пребывающих в разных состояниях, в зависимости от слов, произнесенных колдуном.*

*Но современная школа волшебства не имеет однозначных, последовательных и структурированных “рецептов” Боевого Танца. Здесь каждый способный на столь изощренное колдовство маг, должен долгие годы изучать себя и подбирать необходимые движения самостоятельно, руководствуясь только собственными чувствами, ощущениями и глубиной познания своего тела и внутреннего мира. Обычно, из двух-трех сотен учеников со всего курса академии, научиться основам боевого танца получается не больше, чем десятку самых старательных студентов. Затем, они долго и кропотливо должны совершенствовать и развивать свой личный танец, годами подбирая и вымеряя движения, как можно лучше подходящие именно им и никому больше. И только один-другой из тысячи волшебников в будущем может достичь уровня, который остальные будут, затаив дыхание, называть неподражаемым. Как с виду, так и по своей чудодейственной мощи.*

*Более необузданная форма Пляски Стихий – совместное выступление нескольких магов. Как и полагается, дело это куда более замысловатое и изощренное. Для идеального исполнения совместного танца, двое или больше волшебников должны двигаться абсолютно синхронно, тем самым вызывая сильные резонансы энергетических потоков Небесного Сердца. Сливаясь движениями и мыслями в единый, неразделимый поток, маги могут вызвать невероятной силы колебания, способные взрастить колдовство до поистине колоссальной, чудовищной мощи.*

*Практика эта дозволена исключительно магам на королевской службе и используется только в военных целях. Секреты её держатся в строжайшей тайне, а тем счастливицам, кому удалось узреть подобное неопишное творение в живую вряд ли удалось после рассказать об этом кому-либо. Скорее всего, это было последнее из того, что такие счастливицы увидели в своей жизни.*

*Другое дело – Чароплеты. Наверное, самая распространенная каста магов, по способностям своим, как и обычно, разнящихся, но пользующимися одними и теми же средствами в колдовстве.*

*Древнее волшебное наречие – Изуамора – дошло до наших дней из глубины веков, история которых неизвестна ни одному из существующих ныне государств на поверхности Мирового Круга. Сложно сказать, как именно первые маги нашли и стали изучать этот язык, но до наших дней дошло немало колдовских слов, пользуясь которыми современные чароплеты слагают волшебные сочетания, каждое из которых несёт в себе некий сакральный смысл и высвобождает потоки Небесного Сердца в соответствующих словам*

формах.

По сути, для того, чтобы стать достойным чароплётотом, волшебник должен хорошенько изучить колдовской язык. Как поэт, писатель или сказочник-бард. И чем высокопарней и красочней научится он изъясняться, пользуясь Изуаморй, тем послушней будут ему стихи или иные волшебные субстанции, какими весь пронизан мир.

Поговаривают, будто бы Сердце Магии понимает этот язык и отвечает говорящим на нем своей благодатью, а иногда, разорительными, непрощающими проклятиями. Посему, придумывать и слагать новые, ещё неизвестные сочетания на магическом наречии – дело несомненно опасное, но невероятно почетное. Тех, кто создаст что-то свое, новое, обязательно занесут в анналы магической истории, но путь к такому бессмертию удастся пройти немногим.

А всё из-за того, что до наших дней смогли найти не все слова и правила, каким подчиняется Изуамора. Таким образом, изучать и развивать язык приходится лишь посредством сомнительных гипотез и смертельно опасных экспериментов, результат которых может привести неизвестно к чему, а иногда и вовсе ни к чему.

Основная же масса чароплётотов служит простым людям, иногда хорошенько наживаясь на этом искусстве, а иногда просто, сводя концы с концами. Простецкие заговоры или выведение вшей и гнид у домашнего скота, – чем только не занимаются бездарные колдуны, в надежде быть полезными или просто не умереть с голоду. Увы, поближе к королевским замкам жизнь устраивает совсем немногих. Такие простые волшебники почитаются разве что среди челяди или солдат низких рангов. В кругах своих же, они нередко становятся целями бесконечных, глумливых насмешек, от чего жизнь их часто бывает не многим слаще, чем у некоторых особенно трудолюбивых холопов. Быть волшебником от рождения – далеко не залог простой, сладкой и беспечной жизни.

Эриус Ллойд. “Пути магии и их тайны. Часть I”. Школа Рассветной Росы. 388 год.

– Гораздо лучше, – прошипел голос из темного угла загнивающей питейной. – Но дело ещё не окончено.

– Будьте уверены, мы доведем начатое до конца, – выдающий себя за простолюдина Мортимер чесал перемотанные руки. От них невыносимо разило заживляющим бальзамом. – Мальчишка находится под постоянным надзором. Придет день, и он ошибется.

– Надеюсь, вы поспособствуете этому, а не будете ждать, как прежде, – небрежно бросил незнакомец. – Тем не менее, не выдавайте планов и не совершайте больше опрометчивых поступков. Не вызывайте лишнего внимания со стороны герцога. Какое-то время...

– Он не будет помехой, этот...

– Кто позволил тебе, мерзкий выродок, нелестно отзываться о представителе знатного рода в моем присутствии? – хрипнул неизвестный из темноты. – Не зазнавайся и не забывай, что ты лишь пешка в этой игре. При том, не слишком уж важная.

– Я... я... – Мортимер нервно сглотнул. – Прошу меня простить, господин.

– На этом всё. Исчезни!

Мортимер хорошенько закутался в капюшон своего дряхлого балахона и незамедлительно покинул трактир.

– Ну и говенная же у тебя работенка, фокусник! – Бьерн плюнул под ноги магу из Трибунала, прибывшему надзирать за Лео в Великой Кузнице. – Ты что действительно собираешься торчать здесь круглыми сутками?

– Таков приказ старших магов, – бесстрастно ответил волшебник в сером плаще. – До тех пор, пока Трибунал не закончится, я буду жить здесь.

– Вот же дрянь, – заключил мастер и зашёл в кузницу.

Преодолев коридор и лестницу, Бьерн добрался до комнаты Леонарда, где тот безвылазно проводил уже третий день. Кузнец для приличия стукнул разок в дверь и аккуратно зашел внутрь. Молодой маг даже не повел взглядом. Он лежал на кровати и безмолвно, обреченно смотрел в потолок.

– Ты бы хоть книжки свои почитал, – по-отечески произнес Бьерн, подтянув к себе единственный стул и усевшись на него. – Вот ведь срамное дело...

– Мы уже это обсуждали, – Лео незаметно моргнул. – В этом нет твоей вины. Рано или поздно случилось бы нечто подобное.

– Да как же?! Тот ненормальный колдун будто б специально учинил это безобразие! – возмутился кузнец. – И герцогу это не понравилось.

– Наверное, потому он за меня и поручился, – пожал плечами Лео. – Иначе бы я давно уже переехал в Дом Скорби.

– Там прислали какого-то идиота, – Бьерн мотанул головой к двери. – Говорит, будет жить с нами и следить за тобой.

– Вот ведь радостная новость.

– Все же, я решил тебе сказать, – Бьерн ненадолго задумался. – Чтоб ты вдруг лишний раз ничего не...

– Да, я стараюсь держать себя в руках, – с досадой выдохнул Лео. – Поэтому и заперся здесь, и пытаюсь думать о хорошем. Если честно, у меня не слишком уж удаётся.

– Не знаю, что там у тебя на уме, но я бы на твоём месте вылез и пообщался с этим типом... Может, чего полезного из него вытянешь, – подсказал кузнец. – Да и вообще, не скрывайся лучше. Покажи ему, что спокоен. И не считаешь себя преступником. Ага?

Лео ничего не ответил. Только развернулся к стене, намекнув, что разговаривать сейчас не намерен.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Бьерн, закрывая за собой дверь.

Весь этот и следующий день Лео так и не шелохнулся. Засыпал и просыпался, когда попало, совсем потеряв чувство дневного цикла и здорово выбился из колеи привычной ему жизни. Но, наконец, пятым утром голод взял верх над иными тревогами, и молодой маг нехотя, робко решил пробраться до кухни. К его превеликому сожалению, там он и познакомился со своим надзирателем.

Завтракал и как по струнке тянул спину, сидя за столом, волшебник – ещё один выпускник Школы Рассветной Росы. Тщательно пережевывал он каждый кусочек, и будто переполнен был светскими манерами излишне. Всякого придворного колдуна пичкают ими сверх меры, но этот выделялся особенно.

Надзиратель вежливо наклонил голову, когда Лео зашел на кухню, добросовестно обтер рот платком, поднялся со стула и поклонился ещё раз, изобразив тем самым дружественное приветствие.

– Рад знакомству, – маг протянул Леонарду руку. – Меня зовут Родрик.

– Леонард, – подмастерье ответил невнятным рукопожатием. – Хотя... вы, наверное, и



так знаете.

– Верно, – Родрик уселся обратно, отодвинув тарелку. – Но не подумайте, что я здесь за тем, чтоб отправить вас за решётку. Напротив...

– Для чего же ещё? – несдержанно бросил Лео. – Может быть, желаете мне помочь?

– Понимаю ваши чувства... Однако, без отлагательств должен вам сообщить, что я буду являться одним из главных свидетелей во время Трибунала над вами, – всем своим видом источал он вежливость. словно бы он и слыхом не слыхивал о негласно принятой среди магов высокомерности. – Судя по слухам, дело ваше относится, скорее, к какому-то недоразумению. Но отчего-то один из наших старших магов крайне озабочен тем, чтоб наказание вынесли по всей положенной строгости.

– Вы... – манерами его Лео был обворожён. – Не очень-то вы похожи на остальных волшебников. Это, кх-м... Здорово!

– Да. И я заметил, что среди нашего брата в чести вести себя неподобающе, – улыбнулся Родрик и играючи переменял тему. – Слышал историю о вашем мастерском заговоре. Не могу же я вести себя, как только вздумается в присутствии чародея, настолько превосходящего меня в силе.

– Чего? В силе? – выпучил гала Лео, и гордыня его разгорелась. – О чем это вы?

– Я не слишком искусен в колдовстве, но этого совсем не стесняюсь, – зачем-то стал рассказывать надзиратель. – Все мои обязанности здесь – следить не столько за вами, сколько за этим. – Он достал из кармана штанов оракул – бледно-зеленый минерал. – Не думаю, что у меня выйдет организовать должное сопротивление, если вдруг вам вздумается от меня избавиться. – снова он улыбнулся. Но теперь как-то хитро, заговорщически.

В недоумении Лео смерил его взглядом. Беседа отчего-то стала казаться ему подозрительной. Подмастерье ничего не ответил. Родрик принялся доедать свой завтрак.

Леонард перекусил на ходу, чем пришлось и собрался поупражняться в фехтовании. Не нравилось ему, что за ним теперь наблюдают. Но теплые, изящные слова Родрика разбежались по телу приятными мурашками, магически убаюкивая и усмиряя тревоги, точно колыбельная любящей матери. И подмастерье, не справившись с разыгравшимся в нём ребячеством, решил побахвалиться пуще, взяв в руки тяжёлый, хорошенько заточенный полуторный меч, только вчера выкованный Бьерном. И показать своему надзирателю, что хорош он не только в заговорах, но и в боевом искусстве.

Выйдя из кузницы, Лео завальсировал со свежеиспеченным клинком. Получалось довольно прилично, но далеко не так здорово, как с учебным оружием. В какой-то момент он словил себя на мысли, что попросту дурачится и собирается хвастаться непонятно перед кем, и захотел было сменить меч на привычный ему легкий клинок. Он уже собрался вернуться в кузницу, но ровно тогда же из неё вышел Родрик, пристально поглядывая в сторону подмастерья.

Леонард неуверенно дернулся, в смятении помешкал, и вернулся на место, не придумав ничего лучше, кроме как продолжить упражнения.

Часто сбивался и ронял меч молодой маг. Не удавалось ему свыкнуться с чувством беспрестанного, недремлющего надзора. Предательски глаза его косились в бок, выискивая подтверждение тому, что Родрик за ним следит.

Так и не смог сосредоточиться на упражнениях должным образом Леонард, и всё чаще и чаще позорился неумелыми взмахами, теряя силы. И быстро он стал выдыхаться.

– А здорово у вас получается, – любезно заметил Родрик, когда Леонард решил

отдышаться. – И верно, что учитесь вы дружить с мечом. Уж если магией защищаться не дозволено, то хоть так...

– Да, да, – неряшливо кивнул Лео в ответ.

– Прошу прощения, не смею больше отвлекать. Не обращайтесь на меня внимания, – с чарующей своей улыбкой добавил надзиратель. – Я вовсе не собираюсь пялиться на вас без конца. Это ведь совсем не вежливо. – Он опустил глаза в книгу, что держал в руке. – С вашего позволения, я почитаю немного.

Скоро Лео продолжил. Но так и выискивал он взглядом Родрика. Теперь ему ни с того ни с сего захотелось, чтоб надзиратель смотрел. Чтоб видел, какой же славный он мечник и как же умело он управляется с самым настоящим, тяжёлым клинком. Чтоб хилый зануда уважал его ещё больше и, быть может, страшился показываться ему на глаза лишний раз.

Совсем позабыл о здравомыслии молодой маг, и тогда...

Решился Лео на замысловатый, сложный финт, дабы предстать перед Родриком во всей красе. Он шустро крутанул клинком, но хватка не совладала и выскользнул меч из рук, и подлетел вверх. Обескураженный, панически ухватился Лео за острие, чтоб то не вонзилось оно ему в ногу, падая. И сильно поранился о бережно заточенное Бьерном лезвие.

Леонард рассёк ладонь. Тонкой струйкой полилась на землю кровь.

– Чтоб тебя! – выругался Лео и отбросил клинок подальше.

– Как же невообразимая досада! – пылко сочувствовал Родрик. – Надо бы вам...

– Сам знаю, – огрызнулся Леонард и ринулся в кузницу.

Потоптавшись на месте, надзиратель засеменил следом.

Завертелся и засуетился Лео, мечась по кузнице из угла в угол. Тихо ругал он себя и этого идиота, что назойливо увязался, и шлялся за ним по пятам. А кровь всё сбегала. От ладони к локтю, и на пол.

Не найдя нужных ему целительных минералов поблизости, подмастерье вспомнил, что такие могли остаться на складе. Он быстро нашёл ключ и стремглав бросился отпирать им железную дверь. Когда справился, поднял с пола лампу.

– Ты можешь зажечь её побыстрее? – Лео кивком указал Родрику на лампу. – Магией?

– Я? Что?.. – хлопал глазами и не понимал надзиратель. – Нет, я не...

– Никакого от тебя проку, – фыркнул Лео и побежал на кухню, к камину. Красная полоска тянулась следом за ним по полу.

Родрик только и успевал вертеть головой и растерянно хлопать глазами.

Бегом Леонард возвратился и сразу же пошёл на склад. В потемках он рыскал, пробираясь глубже, а Родрик стоял на входе, не уверенный, стоит ли ему следовать дальше.

– Здесь довольно тесно, – раздраженно повернулся к нему Лео, когда тот всё же решился пойти за ним. – Я хочу только найти немного порошка фенуэлы. Понимаешь?

– Ах... понимаю, – виновато ответил надзиратель и попятился обратно. – Никаких проблем.

Свет алхимической лампы разошёлся и Лео издали заметил низенький ящик с нужным ему оттиском на торце. Он лежал в самом конце склада, около шкафа с книгами.

Добравшись до места, Леонард приоткрыл крышку...

Что-то шепнуло ему неразборчиво. Язык этот был незнаком.

Маг поднял глаза и увидел фолиант. Непроницаемо чёрный. Свет, как и прежде, не касался его переплёта.

Лео уже доставал его как-то, чтоб рассмотреть получше. Но в те разы, стоило только

дотронуться ему до книги, как она тут же начинала казаться абсолютно невзрачной и скучной. Тогда он возвращал её на место и в одночасье забывал о её существовании до тех пор, пока снова не приходил сюда за новой порцией учебных томов.

Но теперь фолиант стал другим.

Словно бы ожил, подпрыгивая на полке, сотрясая её и сбрасывая книги рядом. Он курился и коптил, исходясь едкими, мглистыми тенями. И звал упрямо, настойчиво, повторяя вновь и вновь. Вонзался в голову острым шёпот неизвестных наречий. Проникал, подчинял, приказывал и некуда было от него скрыться.

И Лео потянулся к нему окровавленной рукой...

Оракул в кармане Родрика затрепыхался. Ни разу надзиратель не видел, чтоб минерал вёл себя так.

– Что там у тебя такое?.. – дрожащим голосом спросил он, сунув нос на склад.

Но никто ему не ответил. Лампа погасла. Там осталась лишь тьма.

Когда ненадолго разум вернулся, Лео нашел себя около кузницы. Чья-то жесткая хватка сковала его, кто-то крепил заколдованные кандалы у него на запястьях. Бьерн стоял рядом весь красный, негодуяюще возражал, и, казалось, вот-вот разрыдается. Ещё никогда подмастерье не видел учителя таким.

Во рту пересохло. Леонард не мог выговорить ни единого слова и найти объяснений происходящему. Бессилие, разбившее вдребезги, властвовало над телом.

Еле держался на ногах и тщетно пытался вспомнить Лео о том, что стряслось. Повсюду сновали солдаты и маги, громко спорили, перекрикиваясь. Двое вояк схватили Бьерна, неистово протестующего, вот-вот готового вырваться и развязать с ними драку. Здесь был и он – престарелый маг, советник герцога. Единственный среди остальных старик довольно злорадствовал. С ядовитой улыбкой на устах, не сводил он с Лео коварных своих глаз.

Молодой маг помнил, как с трудом переставлял ноги, когда его волокли к расписанной колдовскими символами карете с зарешеченными окнами. А потом сознание оставило его снова.

Следующее из того, что он мог найти в памяти – как проснулся на сыром каменном полу, среди недружелюбных стен какого-то мрачного, пропитанного печалью и вечной скорбью подземелья. Кто-то стонал из-за стены, неподалеку копошились шаги.

В темноте маг нащупал грудь старого тряпья, по всей видимости, оставленного здесь вместо лежака. Сил разобраться в происходящем так и не появилось.

Инстинктивно Лео нагромоздил грязные тряпки друг на друга и повалился сверху, свернувшись калачиком. И снова всецело отдался забвению, погрузившись в глубокий, беспокойный сон на несколько дней...

Родрик поднялся с пола обескураженный и пораженный. Он ждал на выходе, когда погас свет. Прикрикивал, изображая боязнь, спрашивал.

Как вдруг!..

Выскочил из темени Лео, словно обезумев, и с нечеловеческой силой толкнул своего надзирателя. Тот отлетел, перекатившись кубарем, и врезался в наковальню. Не проронив ни слова, Лео зашагал прочь из кузницы и скоро скрылся в дверном проёме. Родрик успел лишь заметить, что кровь больше не лилась с руки молодого подмастерья.

Надзиратель поднялся, сжимая зубы от боли, и заковылял в сторону выхода: от удара о

наковальню сильно ушибло ногу.

На улице Родрик выдохнул, когда увидел Леонарда неподалеку. Шаткой, как у счастливого пропойцы, походкой молодой маг улепетывал куда-то к лесу. Надзиратель посмотрел в сторону чащи и однозначно кивнул кому-то незримому, кто надежно скрывался среди густых, ветвистых деревьев.

– Немедленно остановитесь или я буду вынужден вызвать солдат Трибунала! – артистично крикнул Родрик вслед Лео. Но тот даже ухом не повел.

Сдержано ругнувшись, надзиратель захромал следом.

Тьма заволокла взор Леонарда. Он передвигался благодаря лишь размытым инстинктам; шёл, не зная куда и зачем. Молодой маг не мог найти себя внутри своей же головы, разрывающейся от заполонивших её зловещих голосов. Тысячей хрипящих, утробных звуков, складываясь в неизвестные слова и фразы, они теснили мысли и будто бы правили теперь над всем его естеством.

Черная книга почуяла кровь и приказала схватить её, и Лео повиновался. А затем фолиант весь обратился дымом, истончаясь и проникая внутрь мага через порез на ладони...

Рана затянулась, когда поглотила тьму до последней капли.

И теперь, не отдавая отчет своим действиям, плелся Лео к излюбленной им поляне. Он помнил её, помнил тишину и уединение, и хотел теперь спрятаться там, как и раньше, подальше от бдительных глаз и подальше от тех, кому он мог навредить.

Кто-то кричал на него из вне, кто-то жалобно приказывал остановиться, но Лео совсем не понимал этих знакомых ему человеческих слов. От страха зубы стучали друг о друга, но маг продолжал сопротивляться. Он не желал подчиняться никому из тех, кто пытался царствовать сейчас в его голове.

Родрик готовился завершить свою гадкую миссию, горделиво наслаждаясь тем, как же быстро сумел он справиться с наивным, безвольным юнцом. Он уже ни раз наблюдал подобную реакцию на свой хитроумный гипноз, каким всё утро оплетал и смущал ум Леонарда, понуждая его вести себя беспорядочно, опрометчиво. Для этого он и прибыл. Так приказал ему Мортимер.

И вот, глядя, как страшемый им субъект стал ломаться и таять на глазах, Родрик уже готов был порадоваться за успех своего предприятия. Он снова повернулся к лесу и сложил руками жест, означающий “всё в порядке”, а после продолжил терпеливо следить, шагая поодаль за свихнувшимся Лео.

Затягивая невидимые сети и заплетая магические путы вокруг молодого подмастерья, надзиратель насаждал свою волю, заставляя парнишку допустить ошибку, испугаться и, защищаясь от вымышленной опасности, обратиться к запретному колдовству.

К сожалению для Родрика, скоро так и произошло.

Он видел, как прибыли они на лесную поляну. Как мальчишка повалился на корни могучего кедра, хватаясь за голову и часто дыша. Его напарник – дознаватель Трибунала Родрик – был рядом. Наблюдал и творил злую свою ворожбу.

Тот, кто не выдавал себя, прячась среди лесной тени, хорошо успел уже изучить это место. Он начал свой шпионаж ровно через три дня после того, как Лео прибыл в Мордагрд. С утра и до вечера, укрываемый особенными чарами и заклятьями, жадно следил он за учеником кузнеца, изучив его распорядок, привычки, манеры, слабости.

Он был одним из лучших агентов Мордаграда, неподражаемым кудесником тайн,

прядыльщиком интриг, мастером маскировки, терпеливым и расчётливым охотником за секретами. Его глаза одинаково хорошо умели видеть в свете и в тьме, и без ошибок читали по губам. И умели они видеть иначе, глубже, пробираясь в самую глубину человеческой сути, прорицая, разглядывая душу. И теперь он посмел поддаться смятению: в мальчишке шпион заметил что-то неладное, нечто необъяснимое. Но на свою беду не успел предупредить об этом Родрика...

Агент этот не знал ещё провала в своих происках, но сегодня дело сорвалось с крючка. Он давно уже должен был доложить старшим магам о случившемся, но от чего-то до сих пор так не сделал. Быть может, он попросту не сомневался в своём напарнике, зная, как искусен Родрик в чаротворном гипнозе, каким издевательски дурачил сейчас беспомощного мальчишку. Или, быть может, потому, что кто-то другой, не менее коварный и умелый, обвел его самого вокруг пальца...

Он замешкался, запутался, всё явственнее ощущая присутствие кого-то ещё неподалеку. Чьи-то чары просачивались в ум, застилая его маревом пелены. Беззвучные и легкие, словно шелковый саван, слепили они навязчивой дремотой. Шпион завертел головой, принялся, наострил слух, выискивая другого. Мысли путались и сгущались, как рой взбесившихся пчёл. словно бы стал он забывать, зачем пришел сюда. Почему?.. И лишь мимолетно отвлекся от цели первостепенной, убаюканный чужой ворожбой, когда вздрогнул лес от кошмара.

Сердце шпиона ушло в пятки, а дыхание сбилось, когда Родрика не стало.

Нет, напарник его не был убит или разорван в клочья, каким-то изощренным заклятием. Родрик просто исчез. Ещё мгновение назад, невредимый, стоял он перед разъяренным, рычащим, словно дикий зверь мальчишкой, как в миг обратился чёрным дымом и развеялся по ветру. Будто его никогда и не было. И не осталось ни пыли, ни праха...

Вопиющий ужас объял шпиона, душа его треснула и разлетелась на сотню осколков, как хрупкий фарфор от падения. И, наплевав на устав, правила и приказы, он побежал прочь, очертя голову. Он больше не хотел возвращаться туда. Даже под страхом смерти.

До самого Мордгарда бежал он, не оборачивая головы, но так и не смог понять, что же случилось там, на проклятой поляне. Тогда же, всё ещё дрожа, он извлек из плаща оракул и стал скульпить над ним о помощи.

Незаметная тень скользнула среди деревьев: её обладатель почувал смертельную опасность. Неизвестный ужаснулся исчезновением Родрика не меньше Мордгардского шпиона, и стать следующим пропавшим без вести ему не хотелось. Сведения, которые он сегодня добыл были крайне ценны для его господина, и теперь ему предстояло сохранить их в своем целом, оставшимся при жизни уме. И ум подсказывал ему уносить подальше ноги от разбушевавшегося, клокочущего леса, где произошло нечто страшное, не поддающееся никаким толкованиям.

– Ты же герцог! – прохрипел Бьерн и ударил кулаком по столу. – Неужели ты не можешь ничего с этим поделать?

– Пожалуйста, прекрати себя так вести, – правитель Мордгарда выглядел потерянным. – Поверь мне, я пытался. Тут происходит что-то странное...

– О чем ты говоришь? – как бы не старался кузнец, вести себя подобающе не удавалось. – Да кто в округе вообще может перечить тебе?

– Трибунал, – герцог перешел на шепот и всем своим видом умолял великого мастера

говорить хотя бы капельку тише. – Их власть в вопросах волшебства на порядок выше моей. Только король...

– Так вызови короля, раздери меня пустота!

– Я буду вынужден позвать стражу, если ты не прекратишь кричать, – герцог не угрожал, но очевидно был чем-то испуган. – Прошу тебя, успокойся!

С тех пор, как целый отряд солдат и боевых магов Трибунала конвоировали Леонарда до одного из мордгардских Домов Скорби, прошло восемь дней. В строжайшем секрете держалась дальнейшая его судьба. Даже герцог, не смотря на свои почти безграничные полномочия, не имел сил изменить это. И сейчас пребывал он в глубоком смятении, пытаясь припомнить хотя бы одну похожую ситуацию за время своего правления. Но на ум так ничего и не приходило. Загадочным был этот процесс, а его стремительное развитие и вовсе заводило в тупик.

Герцог сдавал позиции. Всюду теперь ему мерещился заговор, и он утратил доверия ко всем из своего окружения. Правитель Мордгарда боялся.

А Бьерн совсем сходил с ума от гнева и нетерпения. Всё это время пребывал он в глубоком горе, перестав даже пить. Чувство вины за случившееся угнетало его и порабощало. Казалось мастеру, что стал он жертвой какой-то злой и неуместной шутки, вышедшей из-под контроля. Всю неделю он яростно добивался встречи с герцогом и, наконец-таки, тот решился на тайную аудиенцию, организованную им самим поспешно и неумело.

Они сидели за письменным столом в большом кабинете, тускло освещаемым единственной свечей. За стенами замка царила глубокая ночь. Оба были совсем не в себе. Один – от горя и злости, второй – измученный страхом и едва контролируемой паранойей.

Настроение Бьерна было яростным и напористым. Он жадно желал помочь своему подмастерью, одному из немногих, с кем удалось ему сблизиться за все время своего обособленного существования. А герцог был совсем другим. Возбужденно вслушиваясь в каждый шорох, какой только мог показаться ему подозрительным, постоянно вскакивал он со стула и прислонял ухо к двери, дабы удостовериться, что их не подслушивают.

– Ты можешь мне, наконец, объяснить, что у тебя тут творится? – Бьерн сумел усмирить себя, озабоченный мытарствами правителя. – Я тебя в жизни таким не видел.

– Да... если ты больше не будешь повышать голос, – правитель жалобно посмотрел на собеседника. – Ты, наверное, остался единственным, кому я теперь могу доверять, но от этого не легче.

– Не томи уже!..

– Все это произошло как-то слишком внезапно, – стал шепотом рассказывать герцог. – В тот день я совершенно случайно увидел, как из замка выдвинулась целая свора магов и солдат. Мне стало интересно, в первую очередь от того, что меня об их намерениях никто не уведомил. Тогда я узнал, что приказ отправить куда-то отряд отдал Мортимер, а сам пошел во главе процесса, – правитель Мордаграда сделал небольшую паузу и вслушался в ночную тишину. – После, мне удалось выяснить, что Мортимер получил какие-то крайне важные и срочные сведения от одного из своих тайных агентов. Тогда я немедленно приказал привести шпиона ко мне и допросил его.

– И? Чего он тебе наплел?

– Он был напуган. Страшно напуган! – герцог задрожал. – Мямлил что-то невнятное, как сумасшедший и будто бы скрывал нечто важное. Естественно, я выудил из него кое-чего... – Он уселся за стол и придвинул голову поближе к Бьерну. – Оказывается, Мортимер заставил

его наблюдать за твоим учеником уже через пару дней после того, как тот прибыл в Мордгард. Но мне он об этом ничего не сказал! – Правитель замолк и снова наострил уши, а когда ничего не услышал, продолжил. – Агенты редко отчитываются передо мной лично. Так заведено, что все сведения они передают моим советникам. И этот ничем не отличался. Немного я сумел выпытать у него после. Раз за разом он только и повторял, что все его задачи сводились лишь к наблюдению за изгнанником. Он явно боялся болтать больше, но...

– То есть, твой старикашка-маг так и не упоминал при тебе, что за Лео ведется слежка? – Бьерн перебил его несдержанно. – Он действовал в своих интересах или?..

– Не думаю... Скорее всего, он получил приказ от кого-то ещё. Кого страшится даже больше, чем меня! – лицо герцога искривилось. – Подобные загадки очень настораживают... Особенно, когда я не могу выяснить, кто с такой большой властью за всем этим стоит и почему действует тайно.

– А этого Мортимера ты не удосужился потом спросить?

– Послушай, что было дальше, – герцог дергано приложил палец к губам, напоминая кузнецу, чтоб вёл себя тише. – Конвой вернулся в замок скоро, а вот Мортимера я увидел лишь через пару дней. Он вел себя надменно и издевательски, отвечая на все мои вопросы так, мол, решения и задачи Трибунала – не моего ума дело, и он не в праве ничего разглашать. – Правитель Мордгарда недовольно поморщился. – Тогда я пригрозил ему отставкой и даже пытками, но он только посмеялся в ответ, а затем...

– Что затем?!

– Тише ты! – герцог на всякий случай послушал, что происходит за дверью. – Затем, Мортимер и его агент исчезли, как будто бы испарились! И никто до сих не знает, что с ними случилось. Я обращался к местным представителям Трибунала, но те заявили, что всё под их чутким контролем, а с моим советником и его шпионом всё в полном порядке. Большого я от них добиться не смог. Они выпроводили меня, будто какого-то крестьянского мальчишку!

Бьерн молчал, только округлил глаза от изумления.

– Сдается мне, твой подмастерье чего-то не договаривал и теперь я боюсь, как бы и на меня или на тебя не спустили собак за то, что мы его защищаем, – герцог серьезно посмотрел на кузнеца. – Кажется, он перешел дорогу силам, с которыми попросту не может тягаться...

– Чего? Лео? – Бьерн протестовал полусшепотом. – Да быть того не может! Я знаю его, он...

– Это ещё не все, – остановил его герцог. – Надзиратель, что был направлен в Великую Кузницу. Ты знаешь, что произошло с ним?

– Нет, – угрюмо ответил мастер.

– Потому агент и был так страшно напуган. Он рассказал мне, как твой парнишка превратил того несчастного в пыль. В какой-то черный дым! – герцог задышал чаще. – Большого я не смог из шпиона вытянуть. Он как будто бредил и только повторял себе под нос одно и то же. Говорил о том, что Леонард – непостижимое зло! Что ужаснее и опаснее он в жизни никого не встречал! А понаблюдать за своей жизнью он успел, поверь мне, за всякими страстями.

– Не верю я в это! – Бьерн встал и снова повысил голос. – Я на отрез отказываюсь принимать этот бред сивой кобылы!

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4tm>